

Сергей Миллер

Порог выживания

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Миллер

Порог выживания

<https://litres.ru/72939922>

SelfPub; 2026

Аннотация

ЗАКОН МЕРТВ. МОРАЛЬ — РОСКОШЬ. ВЫЖИВАНИЕ — ЕДИНСТВЕННАЯ ИСТИНА.

Он не герой. Он — вожак стаи, отчаянно цепляющейся за жизнь на руинах цивилизации. Его враги — не только банды мародеров, но и голод, отчаяние и тьма в его собственной душе. Чтобы спасти своих, ему придется стать страшнее любого монстра, что бродит по мертвым городам.

Это роман не только о том, как выжить. Но и о том, какую цену за это приходится платить душой.

Ведь в новом мире самое страшное — это не умереть, а остаться в живых.

Содержание

Глава 1 Бесконечный день	4
Глава 2. Каменный мешок	86
Глава 3. "Вожак стаи"	107
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Порог выживания

Глава 1 Бесконечный день

В центре вагона метро, держась за поручень, стоял мужчина лет тридцати пяти. Он смотрел не на мелькающие в окне стены туннеля, а на свое собственное отражение в темном стекле. Плотный, с округлым, некогда узким лицом — типичный портрет человека, чья жизнь текла без потрясений, размеренно и сытно. Короткая стрижка, легкая седина на висках. Весь его облик дышал спокойной уверенностью и добродушием. Но глаза... Глаза были чужими на этом лице. Зеленые, с вечным прищуром, они хранили иной ответ. Стоило ему чуть наклонить голову, и взгляд менялся — становился острым, как лезвие, пронзительным, как ледяной ветер.

Он оставил всё позади: оружие, бои, засады. Теперь он был примерным гражданином — солидная работа, хорошая машина, репутация образцового семьянина. Его стиль был сдержанным: темно-синий плащ, черный костюм, синяя рубашка под шерстяной жилеткой, прочные туфли. Но два штриха выдавали другую жизнь: на правом запястье — браслет из паракорда, а на ремне у бедра — золотой «Чардж». Не украшение, а метка. Это были якоря, намертво державшие его в том мире, из которого он якобы ушел.

Это были лишь отголоски. Пыль с той долгой дороги, по которой он шагал пятнадцать лет. Он нацепил эти безделушки в юности, а они приросли к нему, стали частью пейзажа его собственного тела. С ними он подписал когда-то контракт с государством, с ними же и ушел на гражданку. Менялись лишь цифры на ценнике мультитула да оттенки паракорда на браслете — всё остальное оставалось неизменным.

А два года назад до него дошло. Выживальчество сыграло с ним злую, изощренную шутку. Оно вмонтировало в его сознание некий предохранитель, который последнее десятилетие блокировал саму мысль о движении вперед. Вместо того чтобы вкладывать силы в свой самый продуктивный возраст, он тратил их на грёзы о мире, где все решает личная сила и воля. Это был ментальный бандитизм — единственно возможный для человека, который в реальности слишком уважал правила, чтобы их нарушать.

Так, погружённый в эти несбыточные грёзы, он и не заметил, как подкралась сорокалетняя отметка. И осознал, что время для перемен упущено. Все места в жизни, казалось, были уже заняты. Оставалось лишь тянуть лямку на чужого дядю, с тоскливой уверенностью, что однажды это закончится полным крахом.

Тогда он решил поставить точку. Запер на тяжёлый амбарный замок просторную комнату в загородном доме — свой склад снаряжения и припасов — и швырнул ключ в окно, в сырую осеннюю траву. Он избавлялся от последних фети-

шей: вот уже пару раз забывал на тумбочке свой браслет. Но мультитул... Мультитул, будто живой, всегда находил дорогу к его поясу.

Он был завсегда на метро. Скорость, ритм — это его успокаивало. На «Чернышевской» в вагон ворвалась толпа. Чей-то наглый локоть впился ему в бок, оттесняя к стенке. Он лишь молча посторонился, не удостоив обидчика взглядом. Состав тронулся, пассажиры закачались в такт, укладываясь, как соленые грузди в тесной бочке.

И в ту самую секунду, когда поезд рванул вперед, а его пальцы рефлекторно сжали стальную перекладину, — вселенная сломалась. Чудовищный удар, от которого содрогнулся весь тоннель. Адский скрежет. Его оторвало от поручня и швырнуло, как щепку, в водоворот из тел и криков. Люди метались, бились о стены, как горох в огромной погребушке. Свет погас, оставив только тьму, боль и грохот. Последним, что он почувствовал, был тупой удар в затылок. И больше — ничего.

Что за... херня? Сознание пробилось сквозь пелену. Над глазами — тусклые пятна света. Я повернул голову, и боль в шее заставила меня скрипнуть зубами.

В полумраке я разглядел груды тел, бесформенную, дышащую. Оттуда доносились хрипы и стоны, а воздух был густым и липким от запаха меди — свежей, теплой крови. Что это за кошмар? Я ничего не помню. Два тела, тяжелых и без-

вольных, навалились сверху. Я отчаянно забился, оттолкнул их и, извиваясь, выполз из-под груды. Вроде цел, ни царапины, но все тело ломило, будто меня переехал каток. Что, черт возьми, здесь случилось? Катастрофа? Писец... Голова раскалывается на части. Как я здесь оказался?

По спине пробежал ледяной, липкий холод. Я ничего не помню? Нет, память была цела — до самого края. До того самого момента. А вот как я оказался в этом вагоне метро — пустота. Последнее, что помнится, — это светящиеся кнопки лифта в офисе.

Я попытался подняться. Нога нащупала не пол, а чью-то руку и провалилась. Вторая соскользнула с чего-то мягкого. Я рухнул плашмя, и подо мной что-то застонало. Отталкиваясь, я уперся ладонью во что-то теплое и упругое. Глянул вниз. Женская грудь. Неплохие дыни, — мелькнула идиотская, оторванная от реальности мысль.

Со второй попытки встал, ухватившись за холодный поручень. Вагон лежал на боку. В глазах плыло, в висках стучало. Ад. Гора тел. Стены, размазанные кровавыми мазками, словно гигантский маньяк только что закончил работу. Воздух гудел от стонов. Надо выбирать. Сейчас же.

Мой мозг, выбитый из привычной колеи, с трудом собрал картинку. В дальнем конце вагона, в полумраке, сгорбившаяся фигура методично рылась в груди тел. Потерял, наверное, что-то. Теперь не найдешь! Где мой портфель, черт возьми?

Я попробовал повернуть голову — и в шею впиалась белая, раскаленная игла боли. Я вспомнил ролики с аварий: люди бегут на переломанных ногах, не чувствуя ничего, пока адреналин не отступит. Может, и я сейчас крикну?!

И тут я увидел, как фигура, копавшаяся в телах, выпрямилась и зашагала в мою сторону. — Ты куда пылишь?! Не видишь — люди кругом лежат!? Но тело, издавая какой-то странный, клокочущий звук, продолжало быстро приближаться. В паре метров от меня оно споткнулось и неуклюже завалилось на бок. Его лицо на миг оказалось в мерцающем свете, и тут я «притух» окончательно. Вся рожа была в свежей крови, которая стекала с губ, а в зубах болтался какой-то ошметок. Здорово ему досталось! Все зубы, кажется, вышибло, может, еще и язык оттяпал.

— Эй, брателло, не дергайся. Скорая уже в пути, наверняка.

Шевеление. Прямо за мной. Обернулся. Боже... Еще живые. Двое. Мужик и бабка в кислотно-зеленой кофте — ее я вроде бы помню. Ловкая старушенция, раз уцелела. Блокадница, что ли...

В голове — пустота. Где я был? Куда ехал?

Бабка и мужик, словно уловив звук моего голоса, синхронно повернули ко мне головы и замерли. Они были всего в двух шагах. Даже в полумраке я разглядел, что голова мужика вывернута под невозможным углом — вбок и почти на спину. Я протер глаза, не веря.

— Мужик, ты чего встал? У тебя шея... — мой голос сорвался на шепот, полный отвращения. Разве шея вообще может так...

Они дернулись. Синхронно. И потянулись ко мне. Я глянул вниз, на того, с выбитыми зубами, и сердце упало в пятки. Оно уже подползло вплотную, почти касаясь моих бо-тинок. Я застыл, парализованный, и лишь новое движение внизу — та самая девушка с упругими формами — вырвало меня из ступора.

— Помогите... — простонала она. И голос был ничего, живой. Естественно, как истинный рыцарь, я должен был помочь симпатичной даме. Я наклонился, пытаюсь вытащить ее из-под другого тела. Мне удалось высвободить ей голову и приподнять торс в полусидячее положение. Да, реально симпатичная. Только крови многовато.

Мужик с окровавленным лицом, застонав, потянул руки к ее длинным волосам. — Ветки убрал! — я с размаху шлепнул ладонью по его клешне. — Лежи, не двигайся!

В этот момент мне на плечи опустилось что-то тяжелое и цепкое.

— А-А-А-А! — это уже я заорал от ужаса и свечой взлетел вверх, едва не пробив башкой потолок. Зашарил рукой за спиной, вцепился в чьи-то редкие волосы и одним движением перекинул тело через себя. О, это ж бабка! В воздухе мелькнула зеленая кофта, тело ударилось о створки дверей и рухнуло вниз.

В ту же секунду мой и так воспаленный мозг пронзил нечеловеческий крик боли. Кричала девушка. Я резко обернулся и оторопел.

У твари вовсе не были выбиты зубы — наоборот, она с чавканьем вгрызалась в горло девушки, и это у нее очень ловко получалось. Кровь фонтаном била вбок, заливая все вокруг.

— Ах ты, тварь! — я попытался пнуть ублюдка, но тело отказалось подчиняться. Адреналин, отвращение и внезапный, первобытный страх сковали мышцы. Нога будто налилась свинцом. Да что же это?! — закричало внутри. И вдруг — срыв. Нога дернулась сама по себе, как сорвавшаяся с цепи пружина... и прошла впустую. Импульс закрутил меня на месте, выбив из равновесия. Рука инстинктивно взметнулась вверх — и тут же была поймана в стальную хватку ледяной клешни.

Я рванулся — железная хватка не ослабла. Повернул голову — и ужас, холодный и липкий, снова обволок все тело. Мужик с неестественно вывернутой шеей уже подтягивал мою руку к своим челюстям. В периферии зрения — мелькнуло движение. Бабка. Логика была проста: до ее черепа дотянуться проще. Я вскинул ногу и всадил каблуком ей в лоб. Раздался отвратительный, влажный хруст. Голова откинулась назад под неестественным углом, а тело задержалось в агонии.

И в этот миг я осознал свою ошибку. Я недооценил того,

кто держал меня. Слепой, животный рывок оторвал меня от земли. Если упаду — конец. Я полетел по дуге и с размаху грохнулся на бок. Мужик рухнул сверху, не разжимая пальцев. В его локте что-то хрустнуло, как сухая ветка. Слава богу, не в моем. Я же, едва не лишился почки, которая от удара о чью-то бездыханную голову чуть не вылетела через задницу. Рванулся, как муха из паутины. Но мужик умудрился вцепиться мне в руку. Я почувствовал, как его зубы заскрежетали по плотной ткани плаща, так и не прокусив ее, а челюсти с нечеловеческой силой сжали кожу предплечья.

– А-А-А-А! – снова заорал я и, рванув со всей дури, выдернул руку из пасти бешеного тела. Ключья плаща остались в его зубах. Ужас плавил сознание. Глаза метались по вагону, ища выход.

И в этот миг я почувствовал, как шевельнулась гора тел подо мной. Ожила. Воздух взорвался. Крики, хрипы, чавкающий звук рвущейся плоти — все слилось в один оглушительный рев ада.

И тогда во мне что-то переключилось. Боль исчезла. Тело стало легким и стальным. Я вскочил, схватился за поручень, подтянулся и ногой, как тараном, выбил единственную уцелевшую оконную раму. Оттолкнувшись от сиденья, я вылетел в проем, мелькнув синим плащом, точно Бэтмен, и через мгновение уже висел на стене туннеля, намертво вцепившись в толстые жгуты кабелей. А в вагоне за моей спиной разверзся ад. Сплошное движение, месиво из тел под акком-

панемент чудовищных звуков агонии.

«Во, замес!» — пронеслось в голове. Я огляделся. Туннель, насколько видел глаз, был забит искореженными вагонами. Вот это набились! Логично предположив, что сейчас крыша — самое безопасное место, я спрыгнул на бетонный пол, собираясь броситься к сцепке в поисках пути наверх. И в этот момент почувствовал на себе взгляд. Повернул голову. Из окна вагона на меня смотрели мутные, неживые бельма. Фу, мерзость! По спине пробежала ледяная волна. Тварь, то ли учуяв страх, то ли заметив, как у меня мурашки размером с палец проступают сквозь ткань, просто наклонилась вперед и тяжело, как мешок с костями, вывалилась из проема.

Этого хватило. Мое тело взорвалось адреналином. Я рванул вперед, в зыбкий свет аварийных ламп, которые еще не сдались тьме.

Я добрался до сцепки, вскарабкался на крышу и рухнул навзничь. Воздух свистел в легких, а в голове крутилась одна мысль: что это за хрень?! Мертвяки? Или я в коме? Или это уже и есть ад?

Нужно порезать руку. Боль отрезвит. Гениально. Я судорожно нащупал на поясе «Лазерман», выдернул его. Лезвие блеснуло в полумраке холодным золотом. Я задрал рукав, приставил острие к бледной коже. Один резкий рывок — и все станет на свои места. Боль. Ясность. Реальность.

Да ну не-еее! Я опустил руку. Идиотская затея.

— Да заткнитесь вы! — я перевернулся на живот и вре-

зал кулаком по холодному металлу крыши. — Заткнитесь, ублюдки!

Они услышали.

Ответ пришел мгновенно — волна нечеловеческого сто-
на, прокатившаяся по туннелю. Он был похож на шелест ли-
стьев в ураган, но в тысячу раз гнуснее. Этот звук впивался в
мозг, пробуждая древний, доисторический страх. Я слышал,
как из вагонов с глухими стуками падают тела. Ищут... Хоть
бы головы себе поразбивали!

Спокойно. Спокойно. Тело была мелкая, неконтролируе-
мая дрожь — не от страха, а от адреналинового удара, ко-
торый перегрузил все системы. Руки не слушались. Я с тру-
дом убрал инструмент, натянул на себя плащ и съежился в
комочек, просто переживая шок. Дрожь медленно отступила,
оставив после себя ледяную, безмысленную пустоту.

Итак. Что делать? Что я вообще знаю о таких вещах?

Я приподнялся и, крадучись, подполз к самому краю.
Внизу уже копошилась дюжина тварей, толкаясь в немой
давке. Один, в байкерской куртке с черепом на спине, застыл
прямо подо мной. Целый. И в этот момент он заскрежетал
челюстями, издав противный, тягучий звук, и резко задрал
голову. Его пустой взгляд впился в меня. Черт! Я инстинк-
тивно отпрыгнул назад. Черт возьми, они чувствуют! Лучше уж
тут переждать. Я отполз подальше, наткнувшись пяткой на
решетку вентиляции. Из ее черной пасти доносилось мерз-
кое, непрерывное шипение, которое сводило все мысли в од-

ну липкую кашу.

Ладно, не будем забивать мозг вопросом «почему?». Лучше спросить «что делать?». Думай!

Но в голове — лишь овощная нарезка из «Ходячих мертвецов» и книг. Из сериала всплывало только: «Ну, пойми, Карл!» — и совет обмазаться кишками. Из книг — навязчивая идея найти вагон с оружием и валить домой.

Не буду я ничем мазаться! — передернуло меня от одной мысли. Эх, сейчас бы тот самый вагон! И найти там «Ругер» с интегрированным глушителем под .22 ЛР, да патронов сотен пять. А лучше тысячу. Как раз бы по карманам рассовал. М-да-а, размечтался... Ни одной рабочей мысли. Даже направления нет. Логика шептала: «На „Площадь Мужества“, к своему „Тахо“. Оттуда — на трассу, и дуть за город домой». Но если эта дрянь расползается так быстро, то, возможно, я уже опоздал. Возможно, этот план — уже история.

Как там мои? Если начать шевелиться прямо сейчас, то, возможно... еще успею. Не может же всё рухнуть в одночасье!

Я выглянул снова. Кожаный так и торчал внизу, скребя когтями по металлу. Наверное, мое мясо ему кажется деликатесом.

– Йй-йй, – прошамкало оно, и из пасти потекла темная дрянь. Хм. А курточка-то у тебя ничего. Как бы нам проверить дельце, что бы всем было хорошо? Мне — куртка, а тебе — вечный покой. Размерчик-то мой! Хотя ты и сам не

мелкий. Слюни подбери, а то испортишь товар.

Я откинулся на спину и снял с руки браслет. Всегда думал, что три метра паракорда на руке — это чтобы в такой вот момент повеситься. Но пришла другая мысль. Я быстро распутал шнур, соорудил затягивающуюся петлю. Заарканить, подтянуть, всадить нож в глаз и спокойно снять куртку. Идеальный план. Но, еще раз взглянув вниз на эту тушу, я передумал. Слишком тяжелый. Будет брыкаться. Шнурком не поднять, а зацепить на крыше не за что. План — говно.

Я продвинулся к концу вагона, откуда приполз. Между вагонами была натянута ярко-желтая «гармошка» — защита от падения. Растянувшись, она надежно прикрывала меня от тварей внизу. Встав на сцепное устройство, я оказался чуть выше этой преграды, расправил лассо и выглянул вбок.

Мужик в куртке был в полутора метрах. А все—таки страшно. Страшно! Даже не то слово... По-животному страшно. — Чудище-е-е! — тихо позвал я.

Тварь услышала и, заклекотав, пошаркала в мою сторону. Когда она оказалась прямо напротив и потянула ко мне свои клешни, мне с первого раза удалось накинуть петлю на шею. Я тут же спрыгнул обратно на сцепку, утягивая шнур за собой и с размаху впечатав ее мордой в желтый барьер. Отлично! Руки вытянуты вверх, голова прижата. Я быстро намотал конец шнура на воздушный кран и обернулся.

Я достал «Лазерман». Холодный клинок щелкнул, замер в воздухе. Я придвинулся к дергающемуся чудищу. Оно бы-

ло похоже на человека. Слишком похоже. Я прицелился ножом в глазницу, прижал рукоять большим пальцем. Размахнулся... Да не-е, сука! Не могу.

Я прищурился и все-таки рванул руку вперед. Удар! Но лезвие со скрежетом отскочило от твердой, как камень, надбровной дуги. Промях.

— Да пошел ты в задницу со своей курткой! — выругался я себе под нос. Не могу. Пока не могу.

Я резко сменил тактику. Лезвие блеснуло, чиркнув по натянутому шнуру. Мертвяк, потеряв опору, мешком рухнул на бок. Я быстро смотал паракорд, сунул в карман, вцепился в поручни и рванул наверх. Направление одно — вперед. Крыши вагонов были моим спасением. Три состава я прошел быстро, несмотря на шевелящуюся под ногами массу мертвых тел. Но в конце третьего пути оборвался. Буквально. Следующий вагон был разорван пополам, а внизу, в разверзшейся яме туннеля, копошился змеиный клубок из десятков тварей. Оставался один путь — по кабелям, тянувшимся под самым сводом. Проверять, не выросли ли у меня за спиной крылья, было некогда. Я сбросил плащ, наскоро обмотал его вокруг пояса и прицелился к прыжку.

«Раз... два... три!» — внутренний голос прозвучал как команда к атаке. Я присел и оттолкнулся.

И тут же понял, насколько я тяжел. Невыносимо тяжел. Пальцы, вцепившиеся в кабель, поползли по маслянистой оплетке. Хватка ослабевала с каждой долей секунды. Пот

хлынул градом, спину пронзил ледяной спазм. Ноги судорожно забились в воздухе, пытаюсь найти хоть какую-то точку опоры, но находили лишь пустоту. Неужели всё так и закончится? Банально, глупо? Должен же быть ещё один шанс! Отчаяние выжало из мышц последние силы. Пальцы, скользившие по металлу, вдруг сомкнулись в мертвой хватке. Хватит болтаться, как тряпка! Паника отступила, уступив место ледяной, животной целеустремленности. Взгляд выхватил из темноты крепежную скобу — прямо у колена. Медленно, преодолевая дрожь в ногах, я подтянулся на одеревеневших руках и уперся подошвой в желанную опору. Фух... Пот с лица я стер рукавом пиджака. Черт, надо было сразу его скинуть. Он тянул вниз, сковывал плечи — настоящий гробовой саван. Переведя дух, я нащупал следующую точку опоры: кабель повыше, жгут пониже. Поза — не для учебника по скалолазанию, но ползти можно. Всего метров двадцать. Сделано.

Поехали.

Я заковылял вдоль стены, перебирая руками и ногами. И тут внизу что-то зашевелилось. Твари. Учужали. Целая стая мерзких клешней потянулась из темноты вверх, ко мне. Суки противные. Последний рывок — и я ухватился за край разорванного вагона. Нога нашла стойку от зеркала. Я качнулся на ней пару раз, проверяя. Держит. Перенес вес, отпустил кабель и вцепился в грязный кронштейн от камеры. Еще одно усилие — и я наверху. Вонь ударила в нос. Я рух-

нул на холодную крышу, задыхаясь. Вот до чего докатился. Жирный мешок. Спорт надо было не бросать.

Я скинул плащ, вывалил из карманов все содержимое: ключи, документы, телефон. Аккуратно разложил рядом. Принялся стаскивать пиджак, уже порванный в нескольких местах. И замер. Рука застряла в рукаве. Телефон. Я посмотрел на черный брусок айфона, как на что-то чужое, опасное. Потом все-таки дернул, сбросил пиджак и швырнул его через край вниз.

Твари внизу тут же оживились, устроив свалку из-за моего подарка. Я взял телефон. Привычное движение — и экран загорелся. Работает! Ни одного пропущенного. Вот и вся цена, — мелькнула ироничная мысль. Сдохнешь — и тишина. Иконка сети светилась уверенно. Полный прием.

— Алло? — ее голос, такой живой и настоящий, прозвучал через два гудка. Язык сам повернулся, чтобы выдать что-то циничное, вроде: «Меня тут зомби на запчасти рвут, а ты и не чешешься...» Но вместо этого я выдавил: — Родная... У вас там все спокойно?

— Да, все хорошо. А что с тобой? — в ее тоне тут же появилась тревога. На заднем плане — обычный домашний гам.

— Да нет, ничего, — я перевел взгляд на копошащихся внизу уродов. — Нет, все нормально, просто... думаю, не звонишь... По телеку ничего не видела?

— Нет, не смотрела, а что?

— Ничего, все хорошо. Просто жди меня. Хотел твой голос услышать. Соскучился.

— И я очень-очень!

— Ну все, жди, любимая. Передавай привет дочкам. — Целую!

Не буду же я ее нервировать?

Второй звонок — другу. — Здорово, братан! — я вложил в голос всю возможную бодрость. — Как там у тебя?

— Здорово! В пробке влип, на Энгельса. Что за чертовщина, не пойму. А ты где?

— А я... в аварию попал. В метро. Один в живых остался, сижу на вагоне, а вокруг... живых мертвяков пруд пруди.

На том конце провода воцарилась мертвая тишина.

— Очень смешно, — наконец процедил он, и в голосе не было ни капли смеха.

— Серый, ты мне веришь? — Вообще-то да. Но в этот бред — нет.

— Можешь одну просьбу выполнить? Только точно!

— Конечно, — Серый, как всегда, был немногословен.

— Деньги есть при себе? Ну, наличные?

— Сорок тысяч где-то. — Если вырвешься отсюда, рви в «Мегу». Скупи всю тушенку. На все деньги.

— Ты чё офанарел? — не выдержал друг.

— Говяжью. Только ее.

— Ага, шас...

— Серый, слушай. Помнишь, мы все готовились к концу

света?

— Помню...

— Ну, так вот, друган, — я посмотрел вниз, — он пришел.

— Да ну, нах?!

— Сейчас! — я сбросил вызов, активировал камеру и нажал на круглую кнопку. Яркая вспышка осветила гомонящую толпу внизу. Фото отправлено. Через полминуты — звонок.

— Да, слушаю! — ответил я привычной фразой.

— Это что такое, братан?! — в голосе друга звенело недоверие.

— Это мертвяки. Прямо в натуре.

— Может, ментов вызвать?

— Ага, и армию заодно, — меня прорвало коротким, нервным смешком.

— Ты издеваешься, — в голосе друга сквозило недоверие, и я его прекрасно понимал.

— Включи радио! Если услышишь про катастрофу в метро — знай, я там. В самой гуще. Представь обломки вагонов, искры из кабелей и море этих тварей. Смешай с худшим из тех ужасиков, что мы смотрели.

— «Ключ от всех дверей»? — еле слышно спросил он.

— Да хоть он! — я закатил глаза. — Если услышишь — действуй, как договаривались. Все, батарейка на нуле. Отключаюсь.

— Ладно. Я все сделаю.

Я оборвал связь, сунул телефон в карман и снова посмотрел в темноту туннеля. Впереди была настоящая жопа. Проход забило спрессованной массой из металла и чего-то еще. Куда лезть? Ладно, сначала надо подобраться поближе. Я перераспределил вещи по карманам и, опустившись на четвереньки, пополз вперед. Внезапно туннель распорол дикий, леденящий душу женский визг. Я вздрогнул, когда меня буквально качнуло ответной волной рева мертвяков, отзывавшихся на этот крик. Он не умолкал, напоминая свист закипевшего чайника, что надрывается на кухне, пока все спят. Все слышат, но никому неохота оторвать задницу и пойти его выключить. Но ведь кто-то же поставил его на огонь!

Визг шел откуда-то снизу, из хвоста вагона. Кажется, из кабины машиниста. Да заткнись ты уже! Мертвяки не на шутку завелись, вагон под их напором заходил ходуном. Я прибавил ходу и вскоре оказался прямо над кабиной. Стекол не было. Свесившись вниз, я заглянул внутрь. Картина — чистый трэш-ужастик, что-то вроде «Чирлидерши в купальниках против зомби». Дверь каким-то чудом еще держалась, но в разбитое окно уже тянулся десяток подранных рук. Они жадно тянулись к девчонке, которая зажалась в угол приборной панели и непрерывно исторгала этот невыносимый ультразвук.

Её темные прямые волосы потемнели от крови. Из рваной ссадины над бровью сочилась густая струйка, огибая раздутые ботоксом губы и пачкая воротник белоснежной меховой

жилетки. На ногах — белые (!) то ли лосины, то ли легинсы, я в этом не шарю. Татуаж бровей, опахала накладных ресниц! Откуда такое чудо в подземке? Обычно эти фифы после фитнеса садятся в кредитные иномарки и едут на ноготочки. Но стоило мне представить её после обращения, как мороз прошел по коже. Я вообразил это мертвое уёбище с перекошенными «варениками» и решил: надо спасать.

— Эй, дамочка! — заорал я, пытаюсь перекрычать этот свистящий «чайник».

Мля-я-я! Грубая ошибка. Надо было, не знаю, посвистеть? Чудо резко крутануло головой и уставилось на меня остекленевшим взглядом. Визг захлебнулся. Накачанный рот приоткрылся в беззвучном вопле, и из уголка потекла вязкая слюна. Тишина ударила по ушам звоном. Казалось, даже мертвяки встали на паузу.

— Эй! — снова позвал я. Бесполезно. Она впала в мертвый ступор. Я аккуратно съехал на раму выбитого лобового стекла и, цепляясь за выступ, наклонился к своей Бело-снежке. Взял за руку, попробовал потряхнуть. Ага, щас! Словно из камня высечена. Сквозь тонкий свитерок проступали нехилые мышцы, схваченные спазмом. Фитнес! Стретчинг, пилатес и еще какой-нибудь -..ечинг в одном флаконе. Стопудово. Небось и задница как орех, и ляжками арбузы давит на завтрак... Тьфу ты, нашел время фантазировать. Внезапно в кармане ожил, зажужжал телефон. От неожиданности я чуть не рухнул на рельсы. Холод мгновенно прошил тело

насквозь — от волос на груди до самой задницы. Трясущейся рукой выудил трубку.

— Это реально правда! — в ухо ворвался взволнованный голос друга. — Слышал по радио, и по телеку крутят: в метро катастрофа, говорят, теракт. Ты че, реально там?

В его голосе все еще сквозило недоверие.

— Я тут, Серый! Тут я, верняк.

— Разворачиваюсь, еду за тобой. Где тебя подхватить? — вот это настоящий друг! Меня даже гордостью пробрало.

— Отставить! Ни в коем случае. Делай то, что я сказал! Бери тушняк, крупы, всё, что долго лежит. Дуй домой, проверь оружие и технику. Емкости залей под пробку. Время останется — прогрей грузовики. Убедись, что на ходу, и жди меня. Я выберусь! Если задержусь — ты знаешь расклад, моя семья на тебе. Могут задержать, но к утру я вернусь. Край — через три-четыре часа буду дома, там и поговорим. Сидите тихо, смотрите ящик, запасайтесь всем, пока народ не чухнул и паника не началась. Рванет — сразу узнаешь. Надеюсь, наверху уже в курсе. Пришлют команду, запечатают туннели и выжгут этих тварей напалмом, а в новостях спишут на теракт...

Где-то впереди глухо треснуло. Свет, судорожно мигнув, погас. В ноздри ударила едкая смесь гари и озона. Стало по-настоящему жутко.

— Алло! Эй, друган! Что стряслось?!

Я отнял телефон от уха. Вспыхнувший экран залил каби-

ну мертвенной белизной. Сцена застыла стоп-кадром дешевого хоррора: слева — окаменевшая спортсменка в белом, справа — лес рук, тянущихся из черноты разбитого окна. И я посреди всего этого дерьма — в главной роли.

— Что случилось?! — продолжал орать динамик.

Крик вернул в реальность. Мышцы со скрипом вышли из ступора. Ни хуя ж меня вставило! Первая мысль была простой: не обосрался ли? Прислушался к организму. Нет, по лямкам не течет. Уже победа.

— Серый, не могу говорить, действуй! — Я сбросил вызов: нужно беречь дохлую батарею.

Луч фонарика скользнул по сторонам. Всё, «губастой» пришел пиздец. Ждать, пока она очухается, я не собирался. Да и очухается ли? Удивляясь собственному ледяному цинизму, я без колебаний полез обратно на крышу. Плащ пришлось бросить — зацепится, и хана. Я с тоской глянул на тряпку напоследок. Жизнь ведь спас, засранец.

Где-то впереди занялся огонь. Пламени еще не было видно, но едкий дух гари уже щекотал ноздри. Я сунул телефон с включенным фонариком в нагрудный карман рубашки и застегнул пуговицу. Сквозь тонкую синюю ткань свет пробивался скудно, но так я хотя бы не рисковал выронить единственный источник спасения. Эх, надо было белую надевать! Светило бы ярче.

Следующий вагон завалился на бок, оставив для прохода лишь узкую, скользкую кромку на ребре крыши. Внизу,

метрах в пяти, копошились твари, слепо тянули свои грабли к моему тусклому пятну света. Один неверный шаг — и конечная.

Я осторожно ступил на тропу. Ни черта не видно. Вытащил все-таки телефон, полоснул лучом вперед. Мертвяки тут же загомонили громче, почуяв добычу. Свет вырвал из темноты жуткую картину: внутри вагона, словно змеи в бочке, бурлила однородная масса из переплетенных тел, измазанных сукровицей и требухой. В нос ударил такой густой смрад гниющего мяса, что меня скрутило дугой. Желудок взбунтовался, и я, не сдержавшись, вывернул его содержимое прямо в черное нутро разбитого окна. Потеряв равновесие, я качнулся и добавил еще порцию рвоты себе на брюки. Вытер рот рукавом, сплюнул вязкую слюну в темноту.

Медленный вдох через рот. Шаг. Еще один. Уверенно. Пару десятков метров я преодолел на удивление быстро. Остановившись на краю, я посветил вперед — и остолебенел. Тоннель был наглухо запечатан искореженным вагоном. В луче света возникла серо-синяя масса железа, и, как издевательство, совершенно целые раздвижные двери с надписью «Не прислоняться».

Должна же быть лазейка...

И она была. Справа, под самой аркой свода, зияла черная дыра. Телефон снова в карман. Вгрызаясь пальцами в скользкие, грязные обломки, подтягиваясь на одних руках, я кое-как взобрался наверх. Да, пролезть можно. Подсвечивая

себе путь, я вполз внутрь. Мысль билась одна: если сейчас из темноты меня схватит какая-нибудь тварь, сердце просто остановится. Продвигаться в переплетении искореженного металла было адски тяжело. Снизу, из-под завалов, доносились возня и голодный скулеж зажатых мертвяков. Через пару метров проход сузился, вонь стала невыносимой, густой, как на скотобойне. Я крепче сжал телефон, посветил по сторонам — и тут слева из мрака на меня метнулась какая-то тень. Я инстинктивно дернулся назад, и правую лопатку пронзила острая, жгучая боль — напоролся на штырь. Я заорал, выплескивая в этот крик весь свой страх и боль. Если бы тварь дотянулась — у меня не было бы ни шанса. Но ее, по счастью, зажало где-то в районе живота. Хорошо хоть телефон не выронил. Сердце молотило о ребра, пытаюсь вырваться из груди прочь от этого ужаса.

Я посветил вниз. Ну и страшила! Скальп содран и болтается на лоскуте кожи, лицо — сплошная рана, мутные бельма залиты черной, запекшейся кровью. Правая рука сломана, из рукава торчит острый обломок кости. И это страхожопное уёбище тянуло его ко мне, пытаюсь ткнуть этим обломком. Ага, щас! Изгибаясь всем телом, я подтянулся и ушел на уровень выше. По руке текла теплая кровь. Ну надо же было так напороться!

Еще два метра тесного лаза — и я уперся лицом в целое, мать его, оконное стекло. Где они их вообще льют такие прочные? Посветил сквозь него: там туннель и почти непо-

врежденный вагон, вставший на дыбы и заклинивший враспор между полом и потолком.

Раненая рука начала серьезно саднить. Я переложил телефон и попытался другой рукой выдавить стекло. Не шло. Удар основанием ладони. Ничего. Еще удар! Мертвяк внизу, почуяв движение, задергался активнее. Я попытался дотянуться левой рукой до чехла с «Лезерманом» и чуть не взвыл — мышцы в боку свело судорогой так, что из глаз брызнули слезы. Бля-я-я! Я замер, пережидая волну боли. Видимо, старость. Выдохнул, повторил попытку и наконец выудил мультитул. Размахнуться негде. Я открыл короткую крестовую отвертку, плотно сжал холодный металл в кулаке и ударил. Глухой треск — и стекло расцвело узором паутины. Еще пара ударов, и в рваную дыру хлынул сквозняк, принес с собой запахи мазута и сырой затхлости. Свобода. Я стал медленно спускаться. Плечо горело огнем, но я не сдерживал эмоций — злость придавала движениям уверенности и глушила боль. Наконец ноги коснулись твердого пола. Сердце молотило, как отбойный молоток. Крепче перехватив инструмент, я прижался к стене туннеля, стараясь держаться в тени накренившегося вагона.

Странно. Ни мертвяков, ни людей. И в вагоне тихо. Слишком тихо. Самое скверное, если твари разбрелись по туннелю, отрезав меня от станции. Она должна быть уже недалеко. Если я, конечно, все еще иду верным курсом к «Чернышевской». Я прошагал так еще метров двести. Вдоль стены

появился удобный бетонный уступ, на который я с благодарностью взобрался — так безопаснее. На противоположной стороне чернел зев какого-то технологического ответвления, луч фонаря туда не доставал... Тут же я наткнулся на первого мертвяка. Он трепыхался, напоровшись животом на какой-то погнутый указательный знак. Почему он застрял, я не знал и выяснять не собирался — просто тихо, как тень, скользнул мимо.

И тут фонарь, без всякого предупреждения, погас.

— Зашибись! — прошипел я, оседая на корточки.

Темнота навалилась тяжелым одеялом, густая и абсолютная. Я перестал видеть даже собственные руки. Стоп. Я замер, вслушиваясь в мрак. Шорохи и возня затихли. Меня накрыло ледяной волной неестественной тишины.

Сука, он ползет ко мне!

Я до боли в костяшках сжал нож и выпрямился, вжимаясь лопатками в стену. Попробовал двинуться боком, но из черного провала напротив пахнуло таким могильным холодом, что волосы на затылке встали дыбом.

Спокойно. Спокойно.

Я еле усмирил разыгравшееся воображение. Сердце молотило о ребра, как сумасшедшее. Так, шаг за шагом, я продвигался вперед, ощупывая холодный бетон стены.

Гребаная темень! Надеюсь, эти твари не видят в темноте.

«Тридцать, тридцать один, тридцать два...» — я считал шаги, пытаюсь ритмом цифр задавить животный страх. Еще

через пятнадцать шагов я вдруг понял, что начинаю разли-
чать локоть своей левой руки. А потом впереди забрезжил
свет, и донесся нарастающий гул. Люди! Резкая боль тут же
пронзила раненое плечо, ноги стали ватными... Я присло-
нился к стене, сползая по ней вниз.

Из-за поворота с лязгом вынырнула моторизированная
дрезина. Мир взорвался ослепительно белым: прожектора, а
следом — беспощадные лучи ручных фонарей прямо в лицо.
На миг я успел выхватить глазами желтый номер на борту:
«МТК-1-016». Я зажмурился, пытаюсь закрыться ладонью от
этой световой пытки.

– Да хватит светить, помогите лучше... – прохрипел я.

Лучи опустили. Кто-то спрыгнул на «банку» тоннеля. В
глазах плясали цветные пятна, но когда зрение вернулось, я
увидел двух мужиков в полной экипировке МЧС, в касках
и противогазах.

– Вы откуда? Целы? – голос из-под маски доносился глухо,
как из железной бочки.

– Я оттуда, – я слабо махнул рукой назад, где клубилась
темнота.

– Живые еще есть?

– Не думаю. И вам туда не советую. Там мертвецы.

– Идти сможете? – его тон не изменился, он пропустил
мои слова мимо ушей.

– Смогу.

– Сейчас подлатаем, – он полез в свою набедренную ап-

течку. – Свет дай.

Луч тактического фонаря ударил мне в плечо, ослепляя.

– Терпи, браток! – он выхватил ножницы, с хрустом среза пропитанный кровью рукав.

Я приготовился к новой вспышке боли, но он, не мешкая, залил рану пеной из баллончика. Вместо агонии пришел спасительный холод. Плечо онемело.

– Спокойно, спокойно, – приговаривал он, срывая зубами упаковку бинта. Его руки работали быстро и точно, как у робота. – Сейчас все сделаем.

— Товарищ майор, — забубнил он в тангенту рации на плече, — нужен сопровождающий.

— Зинюк! Доведи до станции, сдай куда следует.

На уступ спрыгнул огромный мужик в синем омовском камуфляже, в полной боевой выкладке, раздутый от подсушков, как шар. На груди — открытая кобура с рукоятью «Стечкина», а в руке, словно игрушка — АКМС. Я посмотрел на него снизу вверх. Потом резко обернулся к медику, схватил его левой рукой за грудки и, глядя прямо в бездушные окуляры противогоза, зашипел:

— Не ходите туда! Там живые мертвецы!

— Э-э-э! — огромная клешня в кевларовой перчатке без видимых усилий оторвала меня от эмчезовца. — Давай, пошли.

Медик на секунду замер, словно обдумывая мои слова, но потом развернулся и запрыгнул на платформу. Двигатель

взвыл, и дрезина покатила вперед.

— Эй, братан! — я дернул омовца за рукав.

Тот снова направил луч фонаря мне прямо в глаза.

«Да гребаный ты самовар!» — выругался я про себя.

— Убери свет! Передай по радиии: метров через пятьдесят, слева, у знака — мертвый мужик. Не подходите к нему! Он... заразный. Бешеный, короче!

— Давай, иди! — он без церемоний толкнул меня в спину.

— Да и хрен с вами! — решил я и зашагал прочь.

Мы не прошли и пятидесяти шагов, как позади, в гулком туннеле, раздались короткие, сухие хлопки выстрелов. Омоновец мгновенно развернулся на звук.

— Ну, я же говорил, — не удержался я от ехидства.

Он даже не посмотрел на меня. Палец на тангенту:

— Первый — Щиту-два.

— Первый на приеме, — заскрежетало в ответ.

— Что за стрельба?

— Все нормально, — ответил голос после короткой, но красноречивой паузы. — Клиента доведешь — возвращайся.

Ага, «нормально». Наверняка тот, у знака, все-таки кинулся. Интересно, скольких он успел покусать, прежде чем его успокоили?

— Давай, пошли, — омовец махнул рукой и ускорил шаг. Я едва поспевал за ним. Через пятнадцать минут впереди показалось яркое освещение станции. Это был «Финляндский вокзал».

Станция превратилась в организованный муравейник. Посреди платформы — импровизированный штаб: столы, схемы, люди в форме с большими звездами на погонах. Мелькали надписи: «Медицина катастроф», «Полиция», «МЧС». Омоновец уверенно повел меня прямо к началу.

— Товарищ генерал-лейтенант, — несколько фамильярно обратился он к седому генералу. — Вот, доставили. Выживший.

И тут началась суeta. Голова шла кругом, плечо снова начало болеть, повязка намокла от крови. Я не заметил, как очутился на носилках, мне что-то вкололи, медики колдовали над раной. Все это время омоновец стоял рядом.

— Так! Его нужно шить. Рану обработали. Поднимайте наверх, везите.

— Одну минуточку, — отстранив медика, из-за яркого фонаря возникла фигура: жилистый, высокий, в плаще поверх рубашки с галстуком.

— Здравствуйте, — вежливо обратился он ко мне. — Ваши документы.

— А вы кто? — задал я резонный вопрос.

— Федеральная служба безопасности. Удостоверение показать? — он чуть повел бровью.

— Не стоит. Документы я потерял. Вместе с плащом, в туннеле.

— Тогда ваши данные.

Я назвал все: ФИО, прописку, свой телефон и телефон жены. Он кивнул.

– Не увозите пока, – бросил он медикам и быстро удалился. Минут через пятнадцать он вернулся.

– Сергей Петрович, вы, как бывший сотрудник, должны понимать всю важность нашего разговора.

Я, как мог, насупил брови, показывая, что понимаю.

– Что там произошло? – он ткнул пальцем в сторону туннеля.

– Я мало что помню. Даже не помню, как в метро попал, – сказал я чистую правду. – Очнулся... в вагоне... все мертвые. Выбрался, и меня подобрала.

– Прямо все мертвые?

– Так точно. Я особо не разглядывал... никто не шевелился.

– Взрыв был?

– Не помню. Вообще ничего не помню, кроме того, что очнулся на телах.

– У него сотрясение, рассечение на голове и гематома, – неожиданно заступился за меня медик.

Я только сейчас понял, что у меня и голова замотана бинтом.

– Ему необходимо наложить швы.

– Хорошо, – эфэсбэшник посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. – Сергей Петрович, мы еще увидимся.

«Как-то все слишком просто», — мелькнуло в голове. По-

ка меня тащили наверх по застывшим ступеням эскалатора, я заметил, как внизу, у края платформы, снова началась суета — медики с носилками бросились к прибывшей дрезине. Уже под сводами вестибюля я увидел, как ведут под руки двух бойцов. За ними, шатаясь, шел человек в форме медика — возможно, тот самый, что оказывал мне помощь в туннеле. Ну вот и все. Замес начался.

В вестибюле меня накрыли одеялом и быстро вынесли на улицу. От прохладного весеннего воздуха голова пошла кругом. Меня затолкали в «скорую». Единственное, что я успел заметить, — плотную толпу за оцеплением и море силовиков из всевозможных ведомств.

Привезли быстро, даже слишком. Военно-медицинская академия на Лебедева, как я и предполагал.

– Мужики, да я сам дойду, – я начал отбиваться от санитаров, пытавшихся уложить меня на каталку. – Все нормально! Ребят, я сам.

Меня било ознобом — то ли от майского питерского ветра, то ли от шока. Начало мая в Питере всегда обманчиво. Внутри было на удивление малоллюдно, никакой суеты. Практически сразу позвали в смотровую. Молодой доктор быстро меня осмотрел.

– Что со мной, доктор? – я скривился, когда санитарка начала разматывать бинты на голове. Присохли намертво.

– Ничего страшного. На голове — два шва. С плечом чуть хуже, рвано-резаная рана. Зашьем, курс антибиотиков — и

будете как новый.

Я ухмыльнулся:

– Домой отпустите?

– Конечно, ранения не опасные.

– М-м-м-м... Ай! – было чертовски больно, когда игла вошла в кожу.

– Не придумывайте, я вколола вам анестетик, – буркнула медсестра, не отрываясь от работы.

Красивая, зараза. Резкие черты лица, высокие скулы, две светлые косички выбиваются из-под чепчика, а глаза серые, волчьи. И, судя по всему, под халатом — только нижнее белье.

– Девушка! – кривясь от боли, обратился я к ней. Она как раз принялась за плечо и в ответ лишь вопросительно изогнула бровь.

– Не сочтите за психа, но я вам советую сейчас же сказать-ся больной и пойти домой, – она перестала шить и посмотрела на меня. Молчала, но во взгляде читалось ожидание.

Как ей это объяснить? Мысль билась в голове, но не находила слов.

– Вы верите в ангела-хранителя?

– Да, верю, – голос у нее тоже был ничего. Она потеряла интерес и снова занялась делом.

– Ну, так вот. Считайте меня вашим ангелом-хранителем, который дает очень дельный совет: идите домой. Прямо сейчас.

Она улыбнулась, но ничего не ответила. Меня не отпускала мысль, что если я сейчас выдам ей про ходячих мертвецов, то останусь здесь надолго, но уже в другой палате.

— По городу распространяется вирус бешенства. И лучше быть сейчас дома, а еще лучше — за городом, — выпалил я на одном выдохе.

— Что-о-о? — медсестра даже отстранилась.

— Бешенство.

— Ну... я закончила. Сейчас наложу повязку, хорошо?

Я кивнул. Девушка очень быстро и профессионально все перебинтовала.

— Подождите минуту, сейчас доктор подойдет, — и она, как-то странно на меня посмотрев, скрылась за дверью.

Ага, щас! Ясно все. Сейчас крутить придут. Или у меня уже паранойя? Но мертвяки-то были! Надо сваливать. Я встал, выглянул за дверь. Никого. Быстро прошел обратный путь до выхода, толкнул тяжелую дверь и снова оказался на улице. Осмотрел себя. Видок тот еще: рваная рубаша, свежая повязка на голове, рука на перевязи. На правой штанине — дыра с торчащим куском ткани. Достал из кармана бумажник: паспорт, права, карточки и два разрешения — на Моссберг 590 А1 и нарезной ВПО-136. Налички — тысяч пять, на карте — где-то шестнадцать.

Улица встретила меня промозглой сыростью. Майский ветер с Невы пробирал до костей сквозь рваную рубашу, но это даже бодрило, не давая сознанию снова уплыть в туман.

Город жил странной, двойственной жизнью. С одной стороны, Питер оставался собой: прохожие, шум шин по влажному асфальту. Но в эту привычную картину уже вползало гнилое нутро катастрофы.

Вдалеке, со стороны Финляндского вокзала, небо пульсировало красно-синим заревом мигалок. Вой сирен не смолкал ни на секунду, сливаясь в один тревожный, давящий гул.

Я двинулся вдоль улицы Академика Лебедева, стараясь держаться в тени. Мой вид — окровавленного оборванца — привлекал ненужное внимание, но людям сейчас было не до меня. Мимо пронеслась колонна полицейских «уазиков», затем — два черных тонированных микроавтобуса без номеров. Они шли по встрече, разгоняя гражданских крякалками. Власть уже знала. И власть уже действовала, но пока локально, пытаясь заткнуть прорыв пальцем.

Около круглосуточного магазина кучковалась молодежь. Смех, сигаретный дым, пиво. Они еще не знали. Но один парень, отделившись от группы, напряженно смотрел в экран смартфона.

— Слышь, Димон, там в метро жесьь какая-то, пишут, теракт, что ли...

— Да гонят, пошли лучше...

Холодно — капец.

Стоило поднять руку, как у тротуара притормозило такси — бело-зеленый «Солярис». Я тяжело, стараясь лишний раз не сгибаться, упал на заднее сиденье.

– До Мужества. Тормознем у «Сплава», ориентируешься?

– Знаю, как не знать! Из медицинской? – таксист с интересом рассматривал мой живописный вид в зеркале.

– Да.

– Что приключилось? – участливо спросил он.

– Машина сбила, здесь, за углом.

– Ничего себе! А я уж решил — ты из пострадавших. Слышал, в метро теракт? Передают, сразу на двух станциях — здесь, на «Финбане», и на Сенной.

– Нет, не слышал, – соврал я, сохраняя каменное лицо.

А про себя отметил: «Сразу два очага... Нестандартный теракт. Распыление? Биологическое оружие?»

Машина шла быстро. Магазин снаряжения всплыл в памяти первым, к тому же оказался по пути.

– Подожди меня, я мигом! – я протянул через плечо тысячную.

– Ого! – присвистнул таксист, но купюру взял без лишних вопросов.

В торговом зале я сразу выцепил взглядом консультанта.

– Привет. Мне нужно одеться, быстро и бюджетно. Лимит — тысяч пятнадцать-шестнадцать. Нужны куртка, штаны, флиски, шапка и ботинки, самые простые. На сборы ушло минут пять. Я примерил черную куртку, уютный флисовый пуловер защитного цвета, такие же брюки с прочным ремнем, ботинки и шапку. То, что нужно. Оплатил картой, недостающие триста рублей бросил наличными. Свою ветошь

свернул в пакет и под изумленные взгляды консультантов покинул магазин.

Ощущения изменились кардинально. Другой человек — собранный, одетый, готовый.

— Братан, извини, я клиента жду, — тормознул меня водитель, когда я потянул ручку кэба.

— Это я.

Таксист обернулся, взгляделся в перебинтованную голову под новой шапкой:

— Не признал! Богатым будешь, значит.

— Твои бы слова — да Богу в уши. Трогай.

Мы проехали 1-й Муринский, свернули на Политехническую, бодро добрались до Новороссийской... и встали. Намертво. Впереди — непроглядная пробка, конца и края не видно. Мимо нас по встречке, надрываясь сиреной, пронеслась реанимация. За ней, впритык — еще одна. Концентрация «скорох» на квадратный километр зашкаливала.

— Уважаемый, — я наклонился к переднему сиденью. — Я, пожалуй, пешком, тут близко. Который час?

— Шестнадцать сорок шесть. Вот сдача, — он протянул мне смятые купюры.

— Не надо, оставь, — я толкнул дверь. — Мужик, послушай меня внимательно. Покупай продукты и увози семью из города. Есть же семья?

— Есть... — он застыл, нелепо сжимая деньги в кулаке, пытаясь осознать услышанное.

– Бери всех и уезжай. Не тяни.

Я вышел в прохладный вечер, аккуратно прикрыл дверь и быстрым шагом направился к Площади Мужества. Оглядываться смысла не было. «Что там ещё?» — пробормотал я, вглядываясь в даль. Хвост пробки терялся где-то у Площади Мужества. Ладно, тут идти всего ничего.

Добравшись до кольца, я оценил масштаб бедствия. Это была не просто авария — это был тупик. Движение парализовал сошедший с рельсов трамвай, протаранивший вылетевшую на встречную полосу легковушку. Машина превратилась в груды металла. О чем думал водитель? Или он уже не мог думать?

Площадь стояла. Мигалки, сирены, зеваки. Одна «скорая» судорожно сдавала назад, пытаясь вырваться из затора. У второй машины картина была более зловещей: врачи оказывали помощь сразу двум полицейским, бинтуя им руки. Чуть поодаль сидел фельдшер, которому накладывали давящую повязку на шею. Укусы? Я замер.

– Приятель, – тронул я за рукав парня, снимавшего трагедию на смартфон. Он нехотя повернул голову. — Тут что кино снимают?

– Тут жесь была! Я подроспел, когда уже замес пошел. Врачи пытались помочь пострадавшему из разбитой тачки. Я думал, он всё, труп, а он вдруг кинулся на врача и повалил на землю.

– Кто кого? – уточнил я, хотя уже догадывался.

– Водила врача! Начал рвать его. Менты полезли оттаскивать, а тот сильный, зараза. Одного мента за руку грызанул, потом до второго добрался. Еле скрутили вчетвером, кинули в «карету» и увезли. Бешеный какой-то, наркоман, наверное.

– А кричал кто?

– Доктор, – с пугающим равнодушием ответил парень. – Громко орал.

– Спасибо, друг.

Я двинулся дальше, стараясь не сбиваться с шага. В груди проснулась и гадко заворочалась изжога — верный признак горящих нервов. Пересек улицу Карбышева, затем 2-й Муринский. Строго по правилам, на зеленый. Сейчас не время привлекать внимание.

Свернул в темные дворы и почти сразу выхватил взглядом знакомый силуэт. Ну, слава богу! Мой монстр был на месте. Огромный «Тахо» приветливо подмигнул габаритами, стоило нажать кнопку на брелоке.

Я буквально рухнул в водительское кресло, швырнул пакет со старыми вещами на задний диван и повернул ключ. Пятилитровый V8 отозвался глухим рокотом, под капотом лениво, но мощно встряхнулся табун в триста голов. Вибрация двигателя успокаивала. Первым делом воткнул штекер зарядки в телефон. Так, стоп. Выдохнуть. Подумать.

Мысли в черепной коробке метались, как головастики в пересыхающей луже — хаотично и панически. Я посмотрел через тонированное стекло. Город за окном жил своей обыч-

ной, рутинной жизнью. Гуляли пары, светились окна, кто-то выгуливал собаку. Эта иллюзия покоя убаюкивала, но я-то знал цену этому спокойствию. Оно уже обречено. Сколько тех тварей, что я видел, успело выползти в сторону «Чернышевской»? А «Сенная»... это же самый центр, пересадочный узел! Взрывная волна заражения пойдет по всем веткам.

Ладно. Отставить панику. Одно радует — я жив, относительно цел, под задницей надежная машина, и у меня есть бесценная фора. Для параноика-выживальщика — это не просто удача, это джекпот. Я поймал свое отражение в зеркале заднего вида и обнаружил, что улыбаюсь во всю ширь — жуткой, азартной улыбкой. Игра началась. Нужны деньги. Нал. Прямо сейчас. В домашней нычке лежало около четырехсот тысяч, но до них еще нужно было добраться, а время утекало сквозь пальцы.

Оставив телефон жадно пить электричество, я запер машину и быстрым шагом направился обратно к метро. Ситуация на кольце только ухудшилась: пробка сгустилась, превратившись в металлическую удавку. Воздух дрожал от нервных гудков.

Пройдя немного вдоль Политехнической, я нашел то, что искал, — стеклянный павильончик микрозаймов, обклеенный заманчивыми обещаниями быстрого кеша. То, что доктор прописал.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – дежурно произнесла девушка из-за перегородки, мазнув по мне цепким, оцениваю-

щим взглядом.

Я скопился на стул с засаленной обивкой, хранившей память о десятках, если не сотнях, чужих задниц.

— Спасибо, постою. Сколько дадите по паспорту? Без справок и лишних вопросов.

— Максимум тридцать тысяч.

— Беру!

Поставив автограф на договоре, напечатанном, кажется, для муравьев, и пройдя унижительную процедуру фотографирования веб-камерой, я получил тридцать тысяч. Проценты там были космические, но какая разница? Коллекторы в зомби-апокалипсис не ходят. По той же схеме я навел еще одну забегаловку. Итог рейда — шестьдесят тысяч в кармане. Жизненно важные бумажки. Часть — на патроны, остальное уйдет в бак и на продукты.

Вернувшись в уютное нутро «Тахо», я проверил телефон. Список пропущенных впечатлял. Работа — в задницу, пусть ищут другого дурака. Жена... Я нажал вызов, затаив дыхание. Длинные гудки. Ответа нет. В груди похолодело. Разум твердил, что она вечно забывает телефон в другой комнате, но паранойя уже шептала страшные вещи.

Увидел пропущенный от Серого. Перезвонил, и друг ответил после первого же гудка.

— Живой, друган? Выбрался?

— Живой. Почти у цели. У тебя что?

— У нас пополнение: четыре ящика «Винтажного быка»!

– Кого простите? – переспросил я, сбитый с толку.

– Тушенка это, – хохотнул Серый. – Элитная.

– А! Понятно. И сколько это?

– Математика простая, но приятная: сто сорок четыре банки, каждая по триста двадцать пять грамм чистого веса.

– Ты добрался?

– Да, подъезжаю.

– Сделай одолжение, заверни сразу к моим, проверь обстановку! – попросил я, чувствуя, как липкий страх за семью подступает к горлу.

– Без проблем. Твою мать... Ничего себе! – в трубке слышался скрежет тормозов.

– Что случилось?!

– На перекрестке замес лютый. «Газель» и «Нива» — просто в смятку. Удивительно, но, кажется, все живы... выполняют.

– Ну и хорошо, не до них сейчас. Серый, вспомни те кубовые емкости под воду или топливо, что мы лет десять назад к Кузьмичу отвезли на хутор.

– Ну, допустим.

– Осмотри их, если целые — грузи в свой автобус.

– Все не влезут, только три.

– Пусть будет три! Как приеду — сразу на заправку. А четвертый в прицеп закинь, я его подцеплю своим ходом. И вот еще что: пока время есть, бери Кузьму, садитесь на ЗИЛ и ГАЗон и дуйтеправляться.

– Ты чего? Откуда такие финансы? Это ж тысяч сорок, если не больше!

– Серый, очнись! Полный пиздец уже здесь, он шагает по городу! Какие, нахрен, сейчас деньги?! Считай это инвестицией в жизнь. Если что — я возьму.

– Ага, знаю я тебя, инвестор хренов! – рассмеялся Серый, но в голосе слышалась нервозность.

– Дело общее!

– Да понял я, понял. Всё, отбой, я уже у твоих окон.

Я его отлично понимаю. Он же пока ничего, кроме моей окровавленной физиономии на фото, толком и не видел. И так уже вбухал двадцатку в тот «Винтажный бык». А тут еще эта просьба: залить два бака по 170 литров в прожорливый армейский ЗИЛ-131 и два по сотне — в ГАЗ-66. Это еще минимум тридцать тысяч рублей, выброшенных, с его точки зрения, на ветер.

Да и техника эта... Они уже полтора года стояли на хуторе памятниками самим себе — может, и не заведутся вовсе. Аккумуляторы наверняка сдохли, прокладки рассохлись. Но я был уверен: любые затраты на горючку сейчас оправданы. Стоять в смертельной очереди за бензином, когда начнется паническое столпотворение на заправках, я не собирался ни за какие коврижки.

Всё, пора делать ноги! Я врубил заднюю передачу, «Тахо» послушно рыкнул. Развернулся через сплошную (плевать!) и вырулил на 2-й Мушинский в сторону проспекта Энгельса —

подальше от заблокированного кольца, ставшего ловушкой.

Свернул на тихий обычно Институтский. Здесь тоже было не протолкнуться. Потолкался в вялотекущей пробке, нервно барабанил пальцами по рулю, даже застрял минут на пять у перекрестка с Тореца. Наконец, наплевав на приличия, кое-как проскочил на мигающий желтый, собрав в свой адрес десяток проклятий и истеричных гудков. Город уже начинал звенеть от напряжения.

– На глаз себе надавите, бараны! – вырвалось у меня вместе с потоком желчи. Я сам удивился этой вспышке ярости, поднявшейся откуда-то из темных глубин подсознания. Видимо, сказывался пережитый стресс. Злость клекотала внутри до самого пересечения с Политехнической улицей. Там движение парализовало намертво, но только в сторону Мужества, куда и так уже стягивались все городские службы. Налево, к метро, дорога была подозрительно свободной.

Я разыграл маленький спектакль: махал рукой, изображая предельную вежливость, просился в ряд с видом невинной овечки, одновременно поджигая соседей бампером своего черного танка. В итоге протиснулся, резко повернул и дал по газам.

Моей целью был скромный магазин «Хижина охотника», спрятанный во дворах у станции «Академическая». Это была, пожалуй, единственная точка на моем маршруте, где еще можно было успеть купить патроны до закрытия. Город стоял в пробках, как в тромбах. Минут двадцать я полз чере-

пашьим шагом по проспекту Науки, проклиная всё на свете, потом нырнул в путаницу дворовых проездов. Найти этот магазин в темноте и спешке — тот еще квест! Покрутившись по кварталу, я наконец заметил нужную дверь. Почти задышавшись от бега, я ворвался внутрь. Эх, почему мы не в Америке с их оружейной свободой? Мысленно подобрав раскатанную губу, я шагнул к прилавку.

Мама дорогая... Как же я это «обожаю». На меня поверх очков взирал щуплый паренек. Взирал с таким выражением лица, будто я, последний лох, приполз к высшему разуму выпрашивать то, в чем ни черта не смыслю. Это проклятие почти всех наших оружейных магазинов. Магия ствола, мать её, превращающая любого продавца в вершителя судеб.

Я молча выложил на стекло два разрешения.

– Мне нужны 7,62 на 39 и картечь 12 на 70.

– Нарезных у нас нет! – тут же спустило меня с небес на землю «высшее существо».

Капе-е-ец! Полный облом. Я разочарованно скользнул взглядом по витрине и уперся в полуавтоматический «Ремингтон 750 Вудсмастер». Шикарный аппарат, но ценник — просто космос.

Хотя... скоро эти цветные бумажки будут стоить не дороже туалетной бумаги. В голове мелькнуло: я ведь могу сейчас просто сломать нос этому дрищу. Он и к тревожной кнопке потянуться не успеет. Забрать всё необходимое. Но — стоп. Не могу. Слишком прочно сидят в подкорке моральные тор-

моза и привычка быть законопослушным гражданином. По крайней мере, пока барьеры не рухнули окончательно. Да и продавцов в зале двое, тихо всё равно не выйдет.

– Ну, а картечь 8,5?

– Имеется, – продавец лениво пододвинул ко мне прайс-лист.

– Дайте «Главпатрон»! Штук двадцать пять — двадцать шесть.

– Они идут в коробках по десять штук, двадцать девять рублей за патрон, – «высшее существо» демонстративно закатило глаза, всем видом показывая презрение к моей неосведомленности и «мелкому» опту.

Я сначала даже не понял, что он имеет в виду, но туман в голове быстро рассеялся.

– Да мне пачек двадцать пять нужно, а не штук! – рыкнул я, теряя терпение. Голос от нервов предательски дал петуха.

– А-а-а! О-о! – продавец моментально выключил режим «небожителя». – Вадим, метнись на склад, глянь остатки.

Минуты через две этот Вадим вернулся с виноватым видом:

– «Главпатрона» только пять пачек осталось.

– Тащите всё, что есть! Можно и помельче, давайте 5,6 мм.

В итоге передо мной на прилавок легли сиротливые пять пачек «Главпатрона» с крупной картечью 8,5 мм и семь коробок с дробью 5,6 мм. Негусто, чёрт возьми, совсем негу-

сто...

– А ещё что-то есть? Других производителей?

– Ну, «Феттер» есть, – неуверенно отозвался Вадим.

– Неси всё! – отрезал я.

Финальный улов: десять коробок «Феттера» и двенадцать разнокалиберного «Главпатрона». Итого: двести семьдесят штук. Ладно, хрен с ним. На безрыбье, как говорится... Хотя что-то. У меня дома в сейфе завалялось ещё около пяти сотен патронов к гладкостволу, так что прорвёмся. Хотя, пока я гнал сюда, сломя голову, воображение рисовало эпичные картины: я, как герой боевика, забиваю багажник цинками с патронами под завязку. Реальность оказалась куда прозаичнее.

– Слушай, а рюкзак небольшой найдется? – спросил я Вадима, сгребая свое добытое с боем сокровище. Выбор оказался спартанским. Я остановился на 25-литровом рюкзаке цвета хаки. Прочный, хваткий, с продуманной эргономикой. Ценник, правда, кусался — пять тысяч — но сейчас деньги стремительно теряли свой вес. Пёстрые коробки с патронами тут же перекочевали в недра рюкзака, забив его под завязку. Бросив короткое «счастливо», я закинул потяжелевшую ношу на плечо и вышел в промозглый вечер. Настроение было паршивое.

Швырнув рюкзак на заднее сиденье «Тахо», я повернул ключ зажигания. Самый разгар часа пик. Пытаться пробиться обратно, в «Охоту» или «Беркут», было полнейшим безу-

мием — это означало наглухо застрять в городских тромбах на несколько часов. Про «Барс» на Попова, эту оружейную Мекку, где патронов всегда хоть жопой жуй, можно было даже не мечтать. Туда сейчас — как до Луны пешком. Нет, курс только один — домой. Вывернув из лабиринта дворов, я черепашьям шагом пополз по Тихорецкому, затем влился в плотный поток на проспекте Культуры. Город бился в агонии, вставая в одну гигантскую, пульсирующую фарами пробку. Наконец-то КАД! Вырвавшись на простор, я вдавил педаль в пол. Но когда справа поплыли огромные желтосиние буквы «ИКЕА», инстинкт хомяка-выживальщика пересилил желание гнать без оглядки. Я резко крутанул баранку в сторону съезда к «МЕГА Парнас». Нужно пополнить запасы еды.

Нырнул в темное чрево подземной парковки. Плечо начало предательски ныть — видимо, отходит анестезия. Морщась, я поднялся на траволаторе и направился в гипермаркет. Вокруг кипела жизнь. Сотни, тысячи людей толкали тележки, выбирали йогурты и колбасу, не подозревая, что их мир уже рухнул. С детской площадки доносился беззаботный визг — малышня резвилась, пока родители совершали покупки. Этот обыденный шум сейчас казался чудовищно неуместным, почти сюрреалистичным.

«Вот же баран!» — выругался я про себя. По старой памяти зарулил не к тому входу — «Ашан» оказался в противоположном крыле гигантского молла. Определенно, сего-

дня не мой день! Проклятый мандраж бил по мозгам, мешая мыслить рационально. Спокойно. Вдох-выдох.

В торговом зале я выцепил самую здоровую телегу и, как ледокол, попер по рядам. Масло подсолнечное — бутылок десять, не глядя. Макароны — просто сгребал с полки всё подряд, в охапку, не разбирая марок и цен. Забил тележку с горкой, кожей чувствуя на себе косые, удивленные взгляды покупателей в очереди. На кассе эта продуктовая гора потянула на девять тысяч. Ерунда, деньги еще остались. Нужен второй заход!

Сага о том, как я с этой громыхающей, неуправляемой телегой пёрся через всю подземную парковку в поисках своей машины, вспоминая все известные человечеству матерные конструкции, достойна отдельной главы. Нашел-таки.

Распахнул необъятную пасть багажника «Тахо». Со стороны процесс погрузки, наверное, выглядел так, будто прожорливый бегемот заглатывает пачки с макаронами своим огромным хлебалом. Хотя багажник — это у машины скорее задница, нет?

Эта внезапная, идиотская мысль показалась мне невероятно, до колик смешной. Я замер с бутылкой масла в руке и заржал.

Срочно нужен алкоголь, иначе кукуха окончательно сорвется с насеста. Быстро раскидав пакеты в багажнике, я перепарковал машину прямо ко входу — плевать на правила — и снова нырнул в чрево гипермаркета. Вынырнул через

полчаса, толкая перед собой Эверест из консервных банок и мешков с крупами, на вершине которого гордо сияла литровая бутылка «Джонни Уокер Блэк Лейбл».

Бесконечный, резиновый день. Всё тело налилось свинцом и ломило. Раны под бинтами начали пульсировать тупой болью, напоминая о метро. Как я вообще умудрился выжить в той мясорубке?

Утрамбовав вторую партию продуктов, я вдруг вспомнил про свой автомобильный НЗ. Щелкнул замком бокового отсека в багажнике: взгляд скользнул по знакомым предметам. Кизлярский кинжал «Сталкер», сиротливая пачка патронов «Ротвайль» 16-го калибра, старенький, но надежный монокуляр КОМЗ, тактические очки и газовая зажигалка. Да уж, странный наборчик параноика! О чем я вообще думал, когда комплектовал эту заначку? Впрочем, сейчас не до рефлексии. Нож привычным движением занял место на поясе слева, холодя стальным тыльником бок через свитер. Зажигалка скользнула в карман. Очки и монокуляр переключались в бардачок — поближе к рукам. А пузатая бутылка виски утвердилась на пассажирском сиденье, как самый важный попутчик.

Ключ на старт — и верный табун под капотом послушно вынес меня на трассу. Я заложил вираж на развязке и ушел в сторону Приозерска. Из динамиков полилась до безобразия, до абсурда спокойная «Blossom» от Milky Chance. Справа, на высоком холме, мелькнул тот самый загадочный дом —

одиноким, красивый и вечно пустой, сколько я его помню...
«You have to trust,
trust in someone,
'cause the truth is...» — песня гипнотизировала, уговаривала расслабиться.

Я скопился на бутылку на соседнем сиденье. А почему, собственно, нет? Одной рукой отвинтил крышку и жадно, по-варварски, приложился прямо к горлу.

У-у-ух! Мля-я-я! Янтарная жидкость огненным комом провалилась в желудок, обжигая пищевод. Даже слезу вышибло. Не останавливаясь, я сделал еще один глубокий глоток.

– А-а-а-а! – заорал я в пустоту салона, тряхнув головой, как пес после купания.

Взгляд упал на зеркало заднего вида: обзор наглухо перекрывала гора продуктов, похожая на баррикаду. И ухмылка Чеширского кота сама собой расплылась по моему слегка захмелевшему лицу.

Градус настроения скакнул вертикально вверх. Мой мозг, наконец, сбросил оцепенение и с радостным щелчком переключился в чистый режим выживальщика. Да это же просто праздник какой-то! Я снова приложился к бутылке и вдруг с кристальной ясностью осознал: я только что выбрался сухим из такой чудовищной мясорубки, что меня впору на руках вносить в Книгу рекордов Гиннесса. Живым!

Я вдавил кнопку стеклоподъемника, впуская в салон ре-

вущий, бьющий в лицо ветер свободы.

– Да вот хуй вам!!! У-у-у-у-ха-а-а-а! – заорал я во всю мощь легких, перекрывая шум трассы. Тело вибрировало от дикой, первобытной энергии, которую я перестал ощущать лет десять назад, не меньше.

Я был жив, зол и готов ко всему.

Впереди замаячили огни заправки. Я крутанул руль, свернул на пит-стоп и, встав у колонки, выбрался наружу. Желудок вдруг скрутило спазмом зверского голода.

– До полного. Девяносто второго.

Заправщик молча кивнул и щелкнул пистолетом. Я огляделся, щурясь от яркого света фонарей. Вокруг были люди — спокойные, обычные, занятые своими мелкими делами. Весь этот мир, еще вчера такой родной, теперь казался чужим, картонной декорацией, готовой рухнуть в любую секунду. Я даже обернулся и мысленно присвистнул, когда мимо процокала каблуками высокая ухоженная блондинка, оставив за собой шлейф дорогих духов. Вот это бампер! Улыбаясь во все тридцать два, я проскользнул в автоматические двери. Чудеса: даже плечо перестало ныть.

Побродив между стеллажами, я сграбастал бутылку колы и подошел к кассе.

– Пятая колонка. И френч-дог! А давайте два.

– С вас две семьсот за семьдесят пять литров, – прощепетала кассирша. – А на френчи с длинной сосисочкой для вас сегодня акция, всего по девяносто девять!

– Давайте три!

– Все соусы кладем?

Я одобрительно кивнул, кусая губы. Сосисочки! Ни чего себе сосисочки! Я еле сдержался, чтобы не заржать в голос, наблюдая, как девушка ловко утрамбовывает этих длинных мясных монстров в тугие булки.

Через пять минут я покидал гостеприимный маркет. В одной руке — ледяная кола, в другой — три горячих френч-дога, чьи сосиски свисали, как дреды у Хищника. Сунув ошалевшему заправщику пятихатку на чай, я плюхнулся за руль и тронулся в путь.

Колы, увы, хватило только на один хот-дог, а меня самого — с трудом на два.

Музыку прервал звонок от Серого.

– Слушаю тебя.

– Порядок, твои на месте, проинструктированы сидеть тихо. ГАЗ-66 ожил мгновенно, я его уже напоил под завязку. А вот ЗИЛ капризничает — возимся битый час. Сменили аккумулятор — без толку. Грешим на свечи. Но я, на всякий случай, залил канистрами шестьдесят литров в правый бак.

– Ладно, отбой, не тратьте силы, — голос дрогнул от разочарования. Сто тридцать первый был бы очень кстати. — Готовь кубы, я на финишной прямой.

– Встречаем на хуторе, — отозвался друг.

Следом набрал номер жены.

– Ты далеко? — голос срывался от тревоги, перекрывая до-

машинный шум и детские крики.

– Уже въезжаю! Всё нормально?

– Да, если не считать того, что я ничего не понимаю. Серый говорит загадками, по телевизору — теракт в метро, па-ника!

– А кроме теракта что говорят? – перебил я поток вопро-сов.

– Ничего. Крутят одно и то же по кругу.

– Понял. Приеду — всё разложу по полочкам. Дай мне десять минут. Целую!

Я свернул на привычный съезд. Машина пронеслась через перекресток и нырнула в гулкую темноту под железнодорож-ным мостом. Поселок встретил меня обманчивым покоем. Редкие силуэты прохожих, вереница такси, теплые квадра-ты окон. Мир здесь казался незыблемым. Глядя на это, по-неволе начнешь сомневаться: а был ли мальчик? А были ли зомби? Я повел затекшим плечом, и рана огрызнулась жи-вой, пульсирующей болью. Были. И скоро они будут здесь. Высокий забор из коричневого профлиста встречал глухой неприступностью, ворота наглухо закрыты. Молодец, Серый, не расслабляется. Я подкатил к калитке, заглушил урчащий двигатель. Вечерний воздух был свеж и прохладен. Щелкнув замком, я шагнул во двор.

На пороге меня тут же атаковал меховой ураган — две хаски, Метель и Орион виляя всем телом так, что казалось, сейчас развалятся, бросились под ноги. Следом из кухни вы-

шла жена. Замерла, и теплая улыбка мгновенно стекла с её лица.

– Папа! – младшая, Кира, с разбегу врзалась в клубок восторженных собак и намертво вцепилась в мои ноги.

– Что случилось?! – голос Ольги дрогнул. – Что с головой?! Где твоя одежда?!

Она подошла вплотную, с тревогой сканируя взглядом мой побитый вид.

– Ты, родная, еще руку не видела, – попробовал я отшутиться. – Да всё нормально, жить буду!

К семейной куче-мале присоединилась и старшая, десятилетняя Алиса.

– Девочки! – строгий командный тон матери сработал безотказно. – А ну, брысь! Дайте отцу раздеться!

Наконец, вырвавшись из плена, я скинул ботинки и, морщась от боли в плече, стянул новую куртку.

– Ну так что стряслось?! – Ольга ждала объяснений, скрестив руки на груди. В глазах читался страх, смешанный с решимостью.

– Пойдем. – Я мягко взял её за локоть и повел в сторону своего кабинета. Дернул ручку — заперто. Черт.

– А где ключ? Не видела?

– Так ты же его сам в окно выбросил! Забыл? Когда психанул.

– Хм... – Я завис, не находясь с ответом. Память услужливо подкинула тот эпизод. – Пойду топор возьму.

Я обреченно вздохнул и уже развернулся к выходу, но Ольга меня остановила.

– Постой, выживальщик!

Обернулся. Она улыбалась — той самой улыбкой, от которой у меня всегда теплело внутри.

– Я его нашла, когда траву по осени убирала!

Она протянула руку к верху холодильника и победно позвенела ключом у меня перед носом.

– Ты мое золото! – я просиял, сграбастал её в охапку и крепко прижал к себе. – Что бы я без тебя делал!

– Ну, наверное, сейчас бы уже крушил дверь топором и пугал детей до икоты! – фыркнула она, уткнувшись мне в грудь. – Будешь должен! – её глаза лукаво смеялись.

– Ну, дык... я же всегда... того... готов! – я по-дурацки захихикал, еще плотнее прижимая к себе её шикарное, родное тело..

– Так что случилось? – её голос вмиг стал серьёзным, срезая моё игривое настроение, как ножом.

Я отстранился, вставил ключ и с сухим щелчком отпер замок. Щелкнул выключателем. Яркий свет ударил по глазам, и я невольно ахнул. Вместо ожидаемой пыли, паутины и затхлости заброшенного кабинета, меня встретила стерильная чистота. Всё аккуратно разложено, развешано по местам, ни пылинки на полках. Я в изумлении обернулся к жене. Она молчала, но глаза её смеялись.

– Ну ты даешь! – искренне выдохнул я.

Где-то в глубине души, конечно, скреблась мысль, что теперь я ни хрена здесь не найду в этом идеальном порядке, но масштаб проделанной работы впечатлял.

Я тяжело опустился в кресло у рабочего стола, Ольга присела на краешек дивана у стены, напряженная, как струна.

– Ну, в общем, так...

Я выложил ей всё. Без прикрас, без цензуры. Про странную аварию в туннеле, про вагон, набитый телами. Про тварей с серыми лицами, которые с чавканьем вгрызались в живую плоть. Она слушала молча, не перебивая, и в её глазах читалось не столько неверие, сколько глухое, инстинктивное отторжение. Мозг отказывался принимать такую реальность. Даже когда я протянул ей телефон с фотографиями из метро, она лишь брезгливо отстранилась, едва скользнув взглядом по экрану.

– Это какой-то розыгрыш? Спецэффекты для кино? – голос её был ровным, но пальцы судорожно сжали обивку дивана.

– Нет, Оля. Это не кино.

– И что теперь? – она наконец посмотрела мне прямо в глаза. В её тоне не было истерики или страха — только то самое ледяное спокойствие, которое всегда включалось у неё в критические моменты, когда нужно было действовать, а не рыдать.

– А теперь мы постараемся выжить. У нас есть фора, Оля. Пара дней, может, больше. Фора, которой нет почти ни у ко-

го. Поэтому, родная, прогулки — только во дворе. Школа и детский сад отменяются. Позвони, скажи, что дети заболели.

— Но... — попыталась возразить она.

Я подошел, опустился перед ней на корточки, взял ее руки в свои.

— Три дня. Всего три дня. Если за это время ничего не случится, значит, я сошел с ума, и все будет по-старому. Договорились? Никому без звонка не открывай, смотри по камерам. Поставь на зарядку все рации.

Она молча кивнула.

— Я поехал на заправку.

Я встал, подошел к первому сейфу. Щелкнули замки. На свет появился Моссберг 590 — надежная классика в простом пластике. Следом я выудил патронташ на пятьдесят гнезд, забитый под завязку.

— На, держи, — обратился я к жене. — Тут половина слотов забита дробью-пятеркой. Выщелкивай её к черту и меняй на картечь.

Я протянул ей увесистую коробку «Главпатрона» с крупной картечью 8,5 мм.

Она молча приняла тяжелую ношу, словно взвешивая в руках не свинец, а всю серьезность моих слов.

— Снаряди магазин под завязку, патрон в патронник не до-сылай, ставь на предохранитель. Короче, ты в курсе. Это теперь твое основное оружие. Поставишь у входа, чтобы под рукой было.

– Мой – СКС! – тут же возмутилась она, и в голосе впервые за разговор прорезалась живая, упрямая нотка.

– Да твой, твой, никто не спорит, – примирительно усмехнулся я. – Но СКС подождет. Картечь сейчас надежнее будет. Делай, как говорю.

Я улыбнулся и повернулся ко второму, основному сейфу.

– А вот это — моё.

Из стальных недр на свет выплыл ОН. Мой ВПО-136, «Вепрь-КМ». Формально — гражданский карабин, по сути — боевой АКМ 1968 года, прошедший через мои руки и превратившийся в шедевр тактического тюнинга. Дорогущее цевье от «Фаб Дефенс», мощный подствольный фонарь «Армитек Предейтор», голографический прицел «ЭОТех», который один стоил как подержанная иномарка...

Если бы жена знала истинную цену этого «конструктора», Армагеддон наступил бы лично для меня, прямо здесь и сейчас. И зомби бы не понадобились. Потому что десять лет назад, когда мы только познакомились, эта хрупкая на вид двадцатилетняя девчонка занималась ММА и даже выходила в ринг. Ронда Роузи местного разлива, только красивее. Поначалу я, по глупости, еще пытался с ней спорить, упершись рогом, но меня всегда трезвил этот стальным блеском пронизывающий взгляд серых глаз и плотно сжатые губы. А еще — фантомная память о том, как играючи она на тренировках брала на рычаг локтя амбалов вдвое тяжелее себя.

Да уж. Пусечка моя.

Я с нежностью украдкой глянул на жену, которая сосредоточенно и, надо признать, весьма ловко переснаряжала патронташ. Я повертел «Вепрь» в руках, привычно проверяя навеску. Так, аккумулятор в фонаре мертвый. Коллиматор — в норме, прицельная марка горит четко. Честно говоря... где-то в глубине души я никогда не верил, что весь этот арсенал, все эти часы подготовки и тюнинга когда-нибудь вырвутся за пределы моих влажных мальчишеских фантазий о зомби-апокалипсисе. Ну что ж, накаркал. Посмотрим теперь, чего стоит моя паранойя.

— Оль, и оба аккумулятора на зарядку поставь, пожалуйста, — я выщелкнул севший элемент питания из фонаря, достал запасной с полки и протянул ей два холодных металлических цилиндра.

Мои руки сами легли на спарку магазинов от «калаша», полноценных, армейских, без всяких унижительных гражданских ограничителей. С хрустом вскрыл пачку барнаульской «полуоболочки». Ух ты ж, красота! Оцинкованные гильзы хищно, холодно блеснули в свете настольной лампы.

Щелк. Щелк. Щелк.

Я методично, движение за движением, загонял патроны в магазины, чувствуя приятную тяжесть готового к бою металла. Разорванную картонную упаковку я, по старой свинской привычке, смахнул прямо на диван и виновато покосился на жену.

— Да иди уже, вояка, я уберу, — она махнула рукой, не от-

рываясь от своего занятия. — Чудище ты моё.

Пауза.

— Любимое, — тихо добавила она, и уголки её губ дрогнули в едва заметной, теплой улыбке.

Я наклонился и поцеловал её. Быстро но крепко, вкладывая в этот поцелуй всё, что не мог сейчас сказать словами: страх, обещание, надежду. Подхватил карабин и шагнул в прихожую.

— Да идите вы нафиг, бандиты! — буркнул я двум хаски, которые мгновенно материализовались у двери, виляя хвостами и всем видом требуя немедленной прогулки. — Обожаю вас, черно-белые проказники, но не сейчас. Некогда, мои хорошие!

Наконец оделся и шагнул за порог. Ночная прохлада хлестнула по лицу, выдувая из легких уютное домашнее тепло. Я перехватил карабин поудобнее, всем телом ощущая его плотную, хищную тяжесть. Шесть килограммов снаряженного спокойствия и аргументированной уверенности. Губы сами растянулись в улыбке. Друзья ждут.

Карабин привычно лег на пассажирское сиденье, как старый верный пес. Оглянулся назад — салон забит под завязку.

«Надо бы жратву разгрузить... А, к черту, потом!»

Кочерга «автомата» — в положение «Drive». «Тахо», рывнув, развернулся на тесном пяточке, и я, вдавив педаль в пол, сорвался с места. Рев пятилитрового V8 разорвал сонную тишину поселка, эхом отразившись от заборов. Лишь у старой

метеостанции, входя в слепой поворот, я сбросил скорость, и лучи фар выхватили из темноты убегающую в никуда ленту асфальта.

И вот я на месте.

Заглушил двигатель, и утробный рокот мотора мгновенно сменился оглушительным стрекотом сверчков.

«Смеркалось», — пронеслось в голове голосом Задорнова, и я невольно усмехнулся.

Картина маслом: ЗИЛ-131 так и застыл с задраным капотом, словно разинул пасть в немом крике, рядом, готовый к рывку, притаился камуфлированный ГАЗ-66, а во дворе, как белый лайнер в сельской гавани, возвышался серебристый «Мерседес Спринтер» Серого.

Первым из-под капота ЗИЛа вынырнул Кузьмич. Вечная клетчатая рубаша, руки по локоть в мазуте и неизменные очки с линзами, толщиной с донышко от пивной бутылки. Загадка природы: как он с такими окулярами стреляет? Со ста метров из своей старенькой винтовки КО-44 он без напряжения укладывал пули в десятисантиметровый круг. С открытого прицела! Может, с такими диоптриями оптика и не нужна — встроенный зум? Будь у него зрение «единица», он бы, наверное, инопланетян с Луны снимал.

А следом появился Серый. Гора мышц весом в сто двадцать кило, насаженная на невысокий, коренастый скелет. Не жирный, а именно сбитый, плотный, как баллистический гель или кувалда.

– О-о-о! Здорово, бродяга! – Серый раскинул свои лапы-клешни, явно намереваясь устроить моим ребрам краш-тест.

– И тебе не хворать, – я ловко увернулся от медвежьих объятий и крепко пожал ему руку.

– Здорово и тебе, меткий глаз! – поприветствовал я подошедшего Кузьмича. – Ну, что тут у вас за совещание в Филлах?

– Да вроде всё готово, – Серый пожал широкими плечами. – Загрузились под завязку, хоть сейчас трогай... Слушай, а ты прям на сто процентов уверен, что наступает жопа?

– Уверен, Серый. Абсолютно, – я посмотрел ему в глаза, стирая с лица улыбку. – Я оттуда выбрался, я видел. Эта тварь меня за руку хватала, зубами. Хорошо, плащ плотный, спас. Если бы не он — пиздец мне был бы на месте. И не думайте, что мы тут сейчас разгадаем, откуда эта дрянь взялась. Главное — она есть. Я видел, как там все носятся: МЧС, менты, спецура... Они не врубаются, во что вляпались. При мне двоих их бойцов унесли, покусали. А это значит, инкубационный период — минуты, не часы. Вывод простой: скорость распространения будет расти в геометрической прогрессии. Взрывной рост.

Я обвел взглядом наш импровизированный автопарк.

– Давайте сейчас сделаем хоть что-то, чтобы выжить. А завтра посмотрим. Если я ошибся и нагнал панику — ну что ж, бензин продадим, тушенку съедим. Делов-то.

– Ладно, погнали, – кивнул Серый, принимая решение.
– Я сейчас «Спринтер» выкачу, а ты сразу заезжай, цепляй телегу.

Через пять минут наша мини-колонна уже покидала хутор. В авангарде — серебристый микроавтобус, я с прицепом замыкаю шествие. Минут через десять выползли на перекресток с новой трассой «Сортавала». Справа манила огнями цивилизации привычная «Кириши», но Серый, старый лис, вильнул влево, на старую дорогу, к «Лукойлу». Грамотно. Меньше глаз — меньше дурных вопросов.

На заправке было сонно и практически пусто. Автобус по-хозяйски перекрыл доступ сразу к двум колонкам. Я пристроился в хвост. Серый распахнул боковую сдвижную дверь, Кузьмич — задние створки.

– Девяносто второй льем? – Кузьмич потряс заправочным пистолетом, как маракасом.

– Да, давай на все! – махнул я рукой и зашагал к кассам.

У правой стойки мне дежурно, но приветливо улыбнулась... Господи Иисусе. Я сделал шаг ближе и невольно завис, гипнотизируемый белой форменной блузкой, которая переживала не лучшие времена. Ткань натянулась до предела, пуговицы держались на честном слове, молитвах и обещании скорой свободы для внушительного, гордого четвертого размера. У-у-ух... Жарко.

Я усилием воли заставил себя перевести взгляд на холодильник с газировкой, потом обратно. «Ирина», — скромно

сообщал бейджик, приколотый у самого эпицентра. Я бы тоже там прикололся. Ира. Ну и формы! Что ты вообще забыла, Ира, на этой богом забытой ночной трассе? Не без труда собрав разбежавшиеся мысли в кутку, я расплылся в улыбке, которая, вероятно, выглядела до неприличия похотливой, и выдал:

– Здравствуйте! Девушка, а у вас бензин найдется?

– Найдется, – ответила она с легкой снисходительностью королевы бензоколонки, и мне показалось, что я слышу треск ниток на её многострадальной блузке.

– Мне четыре тонны, – выдохнул я, наконец поймав серьезный настрой.

– Сколько? – её глаза с секундным удивлением посмотрели на меня, и тут же взгляд сменился живым профессиональным интересом.

– Четыре, – я для убедительности растопырил четыре пальца. – Тонны.

Её ухоженные пальчики пробежались по клавишам калькулятора.

– С вас сто сорок пять тысяч рублей?!

Внутренняя жаба квакнула и попыталась меня задушить. Захотелось позорно сбежать, поджав хвост. Но отступить некуда. Откуда они вообще цены такие рисуют?! Кровопийцы!

– Аминь! – кивнул я, вытаскивая деньги.

Настроение снова рухнуло на нулевую отметку. Даже со-

зерцание шикарных доек не помогало, когда я отсчитывал сто сорок пять тысяч рублей, купюру за купюрой.

– И вот это возьму! – Я схватил с лотка две зажигалки.

– Карта лояльности есть? – невозмутимо, словно каждый день продает топливо цистернами, спросила Ира.

– Есть! – Я на автомате выудил из бумажника красный пластик «Лукойла».

Бросив прощальный, полный сожаления взгляд на впечатляющий бюст Ирины, я развернулся и угрюмо побрел к выходу. Сто сорок пять тысяч...

– До свидания. Ждем вас снова! – прошебетала она мне в спину заученную фразу.

«Вряд ли, красавица. Ох, вряд ли», – мрачно подумал я, но вслух бросил:

– До встречи! – и, не оборачиваясь, толкнул тяжелую дверь.

– Ну, как успехи? – спросил я Серого, когда подошел к машинам.

– Всё путём. Полный бак, полные канистры и кубы. Куда везем это богатство?

– На «нашу» базу, на Механизаторов. Самое то.

Друг молча кивнул, соглашаясь.

Под словом «наша» я подразумевал промзону компании, где мы оба трудились. Сейчас это место казалось мне крепостью. Идеальный плацдарм. Огромная территория, обнесенная железобетонным забором с «егозой» по гребню. Внутри

— сорок тонн солярки в хранилище, мощный дизель-генератор на сотню киловатт, собственная скважина с чистой водой. А еще оборудованные мастерские, автономная котельная. Да, не «Хилтон», зато надежно, как в танке. И стратегически грамотно — база стояла на господствующей возвышенности, в стороне от жилого массива, контролируя единственную подъездную дорогу.

Единственный минус — личный состав. Нас катастрофически мало. Но от первых волн мертвяков отобьемся, стволов и патронов на первое время хватит, а там видно будет.

Так, надо бы еще своих предупредить. Кого смогу выдержать. Я достал телефон.

Яр. Точно, Яр. Он с семьей жил где-то на окраине Питера. Сам родом из Тюмени, жена москвичка — короче, попали они крепко. Бежать некуда, вся родня за тысячи километров. Но бросать его нельзя. Ярослав был не просто другом. Это был гений инженерной мысли, бывший военный сапер, взрывник, техно-маг с золотыми руками и светлой головой. Если удастся вытащить его и объединить усилия — наши шансы взлетят до небес.

Я набрал его номер. В трубке потянулись долгие, тоскливые гудки, от которых по спине бежали мурашки. Я уже начал серьезно нервничать, когда на том конце наконец-то сняли трубку.

– Алло! Привет, Яр!

– О-о! Здорово, пропащая душа!

– Яр, слушай меня внимательно, – я сразу, без прелюдий, перешел к делу. – Прямо сейчас, или в крайнем случае утром, собирай манатки, грузись в свою «Тойоту» и дуй ко мне со всей семьей. Милу в садик не веди, Катю с работы снимай.

– Эй, полегче! Что случилось-то?

– Пиздец случился. Полный и бесповоротный. Я уже язык стер сегодня всем объяснять. Просто поверь мне, как брату.

– Ну хоть в двух словах объясни? – голос Яра стал насто-роженным.

– В двух словах... Только не ржи, ладно? Нас накрывает зомби-апокалипсис. Медленно, но верно. Хотя, судя по тому, что я видел — скорее быстро.

На том конце провода повисло тяжелое, вязкое молчание.

– Яр, ты там уснул?! – не выдержал я.

– Ты прикалываешься, что ли? Перепил? Откуда такие сведения?

– Я совершенно серьезен, Яр. Приезжай завтра. Ты же ничего не теряешь: семьдесят километров по ровной трассе. Если приедешь и решишь, что я свихнулся на фоне новостей — развернешься и уедешь. Зато шашлыков пожарим, поржем, забудем. Но если я прав... ты себе не простишь, если останешься там.

– Хорошо, попробую... Сейчас жену убедить попытаюсь.

– Яр, ты уж постарайся, – надавил я голосом. – А лучше вообще ничего ей не объясняй. Скажи просто: «Надо». Вес-

кое мужское «надо». Остальное на месте.

– Постараюсь, – прозвучало это крайне неуверенно.

– До встречи.

Я нажал отбой. Список контактов. Следующий — Илья. Мой старый друг еще со времен техникума, до той черты, что разделила жизнь на «до» и «после» армии.

– Алло. Илья, как сам? Как семья?

– Здорово, Серега! – в трубке зазвучала искренняя, ничем не омраченная радость.

– Илюх, сможешь завтра с утра ко мне рвануть? Дело жизни и смерти.

Тишина. Вязкая, неловкая пауза.

– Илья?

– А? Да тут я! – он явно растерялся. – Нет, Серег, завтра никак. Наверное, не смогу. Работа горит, малой в школу, жена опять же...

– Илья, послушай меня. Через три, максимум пять дней в городе начнется полная жопа.

– Какая еще жопа? Ты о чем?

– Пандемия. Слышал про взрывы в метро?

– Слышал, конечно, жуть какая!

– Ну так вот, это не взрывчатка была. Террористы выпустили боевой вирус. Теперь всем хана, – выпалил я первое, что пришло в голову. Впрочем, может, я и попал пальцем в небо, кто знает.

– Да ладно тебе! Ты-то откуда знаешь? По ящику молчат

как партизаны. В интернете тишина, только слухи.

— Я там был, Илья. Слышал своими ушами, как генералы ФСБ ситуацию обсуждали, — нагло, без зазрения совести соврал я.

— Ну не знаю, Серега... — я его явно не убедил. — Вы что там, празднуете что-то? Пьете?

— Илья, ты что? Я бы стал такими вещами шутить?! — возмутился я.

— Нет, наверное, не смогу завтра. Работы много. Давай, может, на выходных?

Понятно. По-другому нельзя.

— Ладно, слушай. Если в городе начнется что-то странное — беспорядки, стрельба, хоть что-нибудь — сразу забирай семью и дуй ко мне. Не на свою шикарную дачу, а ко мне. Один ты не выживешь. У тебя даже оружия нет.

— Хорошо, хорошо... — как-то слишком легко согласился он. — Давай, до встречи.

— До встречи, — сказал я уже сам себе. Илья отключился. Кому еще? Я пролистал список контактов. Так много фамилий, а позвонить некому.

На заправку ушло полтора часа. Возвращались уже в полной темноте. Завернули на базу. Процесс выгрузки оказался на удивление трудным. С моего прицепа емкость сползла легко, а вот из автобуса их пришлось вытаскивать погрузчиком. Алюминиевые каркасы расперло, они цеплялись за дверные петли. Наконец, нам это удалось. Уставшие, но до-

вольные, мы поехали по домам.

Перед поворотом к дому я пару раз моргнул дальним, дав сигнал ведущему. «Спринтер» послушно сбросил ход и прижался к обочине.

– Серый, слушай сюда, – я опустил стекло, впуская ночной воздух. – Завтра детей в школу и сад не води. Любые отговорки. Сидим дома, ждем, мониторим эфир. Рации заряди.

– Уже в «стаканах» стоят, красным светятся. Помню, – кивнул друг.

– На работе наври что-нибудь. Скажи, автобус сломался, кардан отвалился, не знаю.

– Разберусь.

– Ну и денёк, а? Ладно, я в нору.

– Бывай. До завтра.

Серый устало махнул рукой и скрылся в темноте кабины.

Я загнал «Тахо» во двор, с лязгом запер ворота на засов и, шаркая ногами от усталости, побрел к крыльцу. Для первого дня локального армагеддона сделано немало. Сдано на «отлично». Завтра будет новый день, а значит — новые проблемы. Но сейчас... сейчас каждое волокно в теле ныло и требовало горизонтального положения.

– Ну как? Всё нормально? – Ольга встретила меня на пороге, вытирая руки полотенцем.

Я скосил глаза вправо: в прихожей, в приоткрытом зеркальном шкафу, хищно чернел ствол «Моссберга», а рядом на крючке, готовый к бою, висел тяжелый патронташ. Моло-

дец, девочка.

— Да, всё в норме.

— Есть будешь?

— Буду. Слона бы съел.

С кряхтением стянул с себя одежду, чувствуя, как мышцы наливаются свинцом. Из своих комнат тут же высунулись любопытные носы — дочки сияли улыбками, словно мы не к концу света готовились, а к Новому году. Спать они, разумеется, и не думали. Зато хаски безмятежно дрыхли на полу, раскинув лапы в немыслимых, акробатических позах. Счастливые создания.

— Девочки, марш в кровати! — командный голос жены прозвучал строго, но эффект был привычно нулевым. У мелких тут же нашлась сотня жизненно важных причин не спать: от внезапного обезвоживания и «я только пописать» до срочных болей в левой пятке.

Пока на плите шкварчала разогреваемая еда, я рухнул за компьютер. Интернет. Информационный вакуум. Скупые, словно топором рубленые заголовки: «Теракт в петербургском метро». Сухая статистика погибших, одни и те же замкнутые кадры с камер наблюдения. Ответственность никто на себя не взял. Боевики, террористы... Стандартный набор.

Проскочила новость о нападении на бригады «скорой» в двух районах города — буйные пациенты. Но кого сейчас этим удивишь в пятницу вечером? «Солевые» наркоманы,

алкоголики. Связи никто не видит. Или не хочет видеть. Пока не увидит сам.

Пужинали поздно. Я, не меняя повязки и не принимая душ, рухнул в постель. Мозг отключился мгновенно. Мне снилась такая херня, что я не мог отличить сон от яви. Покусанные люди счастливо улыбались в шикарных палатах. Мертвяки и бандиты в армейской форме будущего. Горы оружия. Какая-то медсестра настойчиво спрашивала, что такое деривация и как она влияет на удержание метки на движущемся объекте. Я понятия не имел. Действительно, что такое деривация?

8:00. Утро.

Меня выдернул из кошмаров мерзкий писк будильника. Я разлепил глаза. Голова раскалывалась. Все тело ломило. Нужно обезболивающее, иначе я и до туалета не дойду. Кое-как сполз с кровати, заглотил двойную дозу таблеток, доплелся до кухни и поставил чайник. На обратном пути глянул на монитор видеонаблюдения. Тишина. Взял пульт от телевизора.

– Твою мать! – вырвалось у меня. Волосы на затылке зашевелились.

– Что случилось? – жена заглянула в комнату и застыла.

На экране творился Армагеддон. Кричащие люди, выстрелы. Если бы я не переключил канал, подумал бы, что это «Война миров Z».

– Город охватило безумие! – какой-то журналист, прижи-

маясь к стене в подворотне, кричал в микрофон. – Все началось ночью, а к настоящему часу в городе царит хаос!

В углу экрана – надпись «ПРЯМОЙ ЭФИР». Мимо с криком пробежала женщина. Камера дернулась, упала. На мгновение в кадре мелькнул человек, покрытый кровью,двигающийся странными, размашистыми шагами, как лыжник. Картинка пропала. На кухне надрывался чайник. Мы с женой стояли и тупо глядели в пустой экран.

– Извините, мы потеряли связь, – появился в студии диктор. – Сейчас... – Он замолчал, прислушиваясь к чему-то в наушнике.

«Какие же они быстрые!» – пронеслось в голове. Это жопа...

– Вы что, чайник не слышите? – раздался возмущенный детский голос.

– А, да, – опомнился я.

– Я выключила уже, – сказала Алиса, мотнув длинными волосами, и скрылась в своей комнате.

– Никто не может объяснить, что происходит, – продолжал диктор. – По словам очевидцев, какие-то безумцы напали на людей в метро, после чего это... безумие стало распространяться с катастрофической скоростью. Некоторые горожане уже сравнивают происходящее с началом зомби-апокалипсиса. Ни в ГУ МВД, ни в администрации комментариев не дают, но призывают сохранять спокойствие. По тревоге подняты подразделения Росгвардии.

На экране замелькали кадры, снятые на телефон. Люди разбегались от четырех тварей. Те же самые размашистые движения. Вот один из них цепляет женщину, валит одним движением, и в следующий миг фонтан крови бьет из ее разорванного горла. Почему они такие быстрые? Вчера они были классическими ходячими мертвецами. От этих я бы точно не ушел. Может, им нужно время, чтобы освоиться в новом теле?

Быстрые мертвяки – это уже совсем другой враг. Мой вчерашний кураж улетучивался с каждой минутой. Я сел на диван, не отрываясь от экрана. Вот запись с камеры наблюдения. Автомобильный коллапс. Люди бегут по крышам машин, их преследуют. Бац! Тварь сшибает человека, как кеглю. Мгновенный захват. Все... Жертва даже не сопротивляется. Эти твари напомнили мне волков. Попад в стадо овец, волк инстинктивно вырезает их всех, просто потому что они – легкая добыча. Это факт. И сейчас мы были этим стадом.

Люди эволюционировали, создавали цивилизации, летали в космос. Возомнили себя вершиной пищевой цепочки, но при этом растеряли важнейшие инстинкты. И рано или поздно по закону природы – или подлости – должен был появиться вид, который устранил это несоответствие. И что-то мне подсказывало, что в создании этого вида поучаствовали сами люди.

– Ольга, звони родителям. Пусть собирают манатки и едут к нам. Будут упираться – скажи, чтобы включили телевизор,

– произнес я, не отрываясь от экрана. Сам взял телефон и набрал матери.

– Да, сыночек?

– Мам, здравствуй. На работу сегодня не ходи. Собирай вещи, я часа через два заеду. На улицу ни ногой.

– Что случилось? – голос встревожен.

– Включи телевизор.

– Какой канал?

Я пролистал пультом: все федеральные каналы пестрели кричащими заголовками «СРОЧНО» и «ПРЯМОЙ ЭФИР». Кадры были одни и те же.

– Любой, мам!

Я отключился. На экране из грузовиков высаживали людей в городском камуфляже, со щитами, но без оружия. Надеюсь, они не собираются их ловить.

Звонок. Родственник из Красноярска.

– Привет, Серега! Что там у вас в Питере?

– Жопа, Вить. Мертвые из могил вышли.

– Да ну? Смеешься?

– Ты же телевизор смотришь.

– Да, но этого же не может быть!

– Ну, видать, может. – Я перевел взгляд на свои голые ноги и пошевелил пальцами.

– И что теперь?

– Эпидемия какая-то. Будем дома сидеть, выжидать.

– Ну, если что, давайте к нам.

– Ага, Вить, ближний свет! – я даже усмехнулся. – У вас-то там тихо?

– Да, все спокойно.

– Ну и хорошо. Бабе Вале не говори, не волнуй ее.

– Само собой. Держитесь там!

Я рассеяннo побрел одеваться. Голова была как наковальня. Выпил кофе, глядя на те же ужасы на экране. Какие-то эксперты рассуждали, что делать. Звучали даже трезвые мысли – оцепить город санитарными кордонами. Но как оцепить пятимиллионный мегаполис?

Нужно было ехать на работу. Выяснить обстановку в поселке и на базе, куда я собирался отступить.

– Оль! – позвал я жену, беспомощно оглядываясь на убранные коробки в кабинете. – Ты не видела тут... ну... такие черные перчатки с пластиковыми штучками на костяшках?

– В той огромной сумке. Я ничего не трогала, там все твои военные шмотки.

Я вытащил из-под стола огромный баул. Старый «Леший», спальник, РПС «СМЕРШ» на двенадцать магазинов, в ножнах – мой старый друг Recon Tanto от Cold Steel, острый, как бритва, и надежный, как лом. Аптечка. Наконец в кармане отыскал перчатки Mechanix Wear.

Проследовал в коридор. Обулся в старые разношенные военные ботинки 5.11. Взял карабин – без него теперь никуда. Чудесная погода! Отпер дверь «Тахо». Ё-моё. Забитый про-

дуктами джип. Развернулся обратно.

– Ольга, я ключи от твоего «Облака» возьму! Выйди, закрой ворота!

Взял ключи от белоснежной «Нивы-Шевроле». Положил «Вепря» на заднее сиденье и тронулся. Вокруг – обычная жизнь: ездят машины, идут люди. Сюрреализм.

На базе, как ни странно, тоже все было нормально. Производство гудело, сновали люди. В офисе, правда, было напряженно – все обсуждали новости. Я запустил моноблок. Интернет-издание сообщало, что аналогичные вспышки насилия зафиксированы в Париже. Видео не оставляло сомнений – это наши клиенты. Быстро! Странно, что в Москве тишина.

О, новость! «Национальная гвардия не смогла остановить зараженных...» Зараженных! Появляются правильные термины. «Больницы переполнены». «Начались грабежи». «Неизвестный открыл стрельбу из окна...» Ну, красавчик. Я ожидал увидеть что-то вроде «началась эвакуация» или «армия окружает город». Но ничего этого не было. А пиздец-то уже наступил.

Я посмотрел на спокойных людей за окном, потом набрал короткий номер.

– Володя, сколько у нас дизеля в бочках?

– Под завязку, Сергей Петрович. Вчера привезли.

– Отлично!

Я обошел базу. Трехметровый забор с колючкой – хрен

кто проскочит. Заглянул в генераторную – огромный FG Wilson, почти новый. Отлично. Так, незаметно, время подкатило к полудню. Я выключил компьютеры. В дверь посту- чали.

– Да, войдите.

На пороге появился молодой айтишник Паша.

– Сергей Петрович, слышали, что творится?! Разрешите домой пойти? – он заметно нервничал.

– Иди, Паш... – отпустил я. – В магазин за продуктами загляни. Что-то мне подсказывает, что новых поставок в «Пятерочку» уже не будет.

– Понял, Сергей Петрович! – он рванул за дверь.

Думаю, и мне тут делать нечего. Нужно заскочить в аптеку, подкупить медикаменты. Я закрыл кабинет и вышел во двор. Через минуту я уже выезжал за ворота.

А шухер-то начался! Люди толпились у продуктовых. На улицах – нездоровое оживление. В аптеке, на удивление, было пусто.

Колокольчик на входной двери аптеки громко «дзынькнул» и за прилавком мгновенно возник фармацевт.

– Мне антибиотики, самые современные. А давайте, какие есть, все. Бинты, йод, обезболивающее сильное, жаропонижающее, от желудка что-нибудь.

Я застрял там на полтора часа. Потом еще десять минут таскал пакеты в машину. Салон провонял медикаментами.

Почти одновременно со мной к воротам подкатила «При-

ора» тестя.

– Привет, Сережа, что случилось-то? – теща выглядела встревоженной.

– Да, Зинаида Петровна, все не очень хорошо. Идите в дом, Ольга объяснит. И вам придется сделать еще ходку за вещами. В квартиру вы больше не вернетесь.

– Как так?!

– Вот так! – я пожал плечами и улыбнулся.

– Привет, Серега, – подроспел тесъ.

– Здорово, Михалыч!

Следующим заявился Серый, сразу на трех машинах. Пришлось открывать вторые ворота. ГАЗ-66, за рулем которого был Кузьмич. Огромная «Тойота Тундра» под управлением жены друга. И «Мерседес Спринтер» самого Серого. На моих пятнадцати сотках стало тесновато. Конец газону.

– Друган, там Юра на подходе, наш строитель. Я ему все рассказал, он с семьей едет.

– Да ради бога! Я только за.

– Серый, открой задние двери на автобусе, я на «Тахо» подъеду, продукты перегрузим.

Только я вышел из машины, как зазвонил телефон.

– О! Илья нарисовался! Послушался все-таки, – улыбнулся я. – Да, слушаю! Ты где?

Пауза.

– Илья?! – я оторвал телефон от уха. Связь есть.

– Алло! – улыбка сползла с моего лица.

- Серега... – послышался тихий, обреченный голос Ильи.
- Кажется, нам конец. Нужно было дома сидеть.
- Что случилось?! – я почувствовал, как по спине пробежал холодок.
- Нас загнали на какую-то стройку на Парнасе. Пришлось свернуть, везде эти...
- Ты где?! – повторил я.
- Нам хана, Серега. Мы в каком-то строительном вагоне. Вокруг полно этих. Нам не выбраться.
- Голос был тихий, но я чувствовал, что еще немного – и он сорвется.
- Успокойся, братан! Приди в себя! Где машина?
- Машина за забором. Я пытался ворота протаранить и заглох. Все вещи там. Нужно было сидеть дома.
- Держитесь, я приеду за вами! – слова вырвались сами собой. Отчасти я был виноват. Я же их позвал. Хотя сейчас я понимал, чем рискую. Всем.
- Это нереально, Серый! Нам тут конец. Тут...
- Знаешь поговорку, Илья? Сам погибай, а товарища выручай!
- Не вздумай! Тесть с тещей отстали в заварухе, даже не знаю, где они. Когда Света придет в себя, мне все равно конец, – он нервно засмеялся. – Я попробую сам. Не бросай семью. Да, и я заметил одну особенность: эти бешеные быстрые только в атаке и несутся по прямой, как кабаны. Если сразу не зацепил, пробегают еще с десяток метров.

– Понял, Илья. У нас есть пара часов до сумерек. Я успею. Если на развязке на Энгельса пробка, то шоссе должно быть свободно.

– Там пробка сто процентов! – в голосе Ильи прорезалась надежда.

– Ну вот! А ты говоришь – конец! У меня ствол, куча патронов. Отобьемся. Скинь координаты.

– Не стоит.

– Ты чё, опять за свое?! – не выдержал я. – Все, мне собратиться нужно! – я отключился.

– Серый! – я подошел к другу. – Там Илья застрял на Парнасе. Я поеду.

– Кто? Илья? Кот, что ли?

– Да.

– И где он?

– Где-то на Парнасе, сейчас координаты скинет.

– Ты не доберешься. Или не вернешься. Выбирай, какая формулировка тебе больше нравится, – Серый, не отрываясь от погрузки, вынес вердикт. – Нас четверо мужиков: я, ты, Юра и Кузьмич. Тестя твоего не считаем. На это – шесть баб и пять детей. Даже если мы переедем на базу, безопасность не обеспечим. Четыре человека – мало. А три – это уже жопа в кубе. Геометрическая прогрессия.

– Ладно, всё, Серый! – я махнул рукой, не собираясь больше это слушать. – Во-первых, у меня Ольга – отличный боец. Стреляет хорошо и, думаю, в рукопашной не уступит мужи-

ку. Во-вторых, тесть может водить любую технику. И я не виноват, что мы рано остались без отцов... Выкрутимся, а я поеду, пока не поздно! Сорок минут туда, сорок обратно. Я на рации. Да, и Илья нам нужен. Жена у него медсестра! – я поднял вверх большой палец. – А ее мать, вроде, педиатр была... М-да, жаль... – я развернулся и зашагал к дому.

– Тебя Ольга не пустит! – донеслось из глубин фургона.

С Ольгой разговор был резкий. Может, несправедливый. Она со слезами на глазах закрылась в ванной. Я чувствовал себя виноватым, но иначе не мог. Она бы меня не отпустила, или споры затянулись бы до ночи, а я уже опаздывал.

Достал из баула разгрузку. Кинул в под сумки две спарки магазинов – 120 патронов. Забил еще 75 в «бубен» от РПК. Затолкал его в заднюю сумку, в левую – два брикета аварийного рациона «Якорь». На всякий случай. Набрал воды в «кэмелбэк», все прицепил, подогнал ремни, попрыгал. Четко. Только патроны в «бубне» бренчали – на то он и бубен. Нацепил очки, перчатки, снял с зарядки рацию Yaesu. Не оборачиваясь, вышел во двор. Напротив двери стояли Серый, тесть и Кузьмич. Все смотрели на меня. Ну, этого еще не хватало.

– Мужики, только давайте не будем. Я же сказал, быстро! Если не вернусь к вечеру, дуйте на базу. Не ждите, я вас найду... – не давая никому открыть рта, я кое-как втиснулся в «Ниву» и дал по газам.

Глава 2. Каменный мешок

На Новоприозерское шоссе выехал без проблем. Машин на удивление мало. Либо впереди затор, либо глобального исхода из Питера пока нет. Спидометр показывал 120. При большей скорости «Ниву» начинало трясти. Если так пойдет, доеду минут за пятьдесят. Запиликал телефон. Илья прислал координаты. Держится. Я спокойно миновал Керровскую развязку. Дорога впереди была пуста в обоих направлениях. Ненормально. Я сбавил скорость, достал навигатор, начал забивать координаты. В этот момент телефон резко зазвонил. На экране – улыбающееся фото Ольги, закрывшее цифры.

– Ну что еще?! – психанул я и поднял глаза на дорогу.

Прямо на меня, как ракета, несся автомобиль. Я резко вильнул вправо. Легкую «Ниву» мотнуло, она чуть ли не встала на два колеса. Навигатор и телефон взлетели, как в невесомости, и разлетелись по салону. Я кое-как выровнял машину и затормозил. Еще одна машина пронеслась по встречке. Потом еще и еще.

Ахереть! Руки трясло. Видимо, там впереди полная жопа. Я съехал на обочину. Навигатор нашел сразу, целый. С телефоном было хуже – стекло с обеих сторон в паутине трещин. Но, на удивление, он работал. Хорошо, что взял отдельно навигатор. Трясущейся рукой забил координаты. Маршрут по-

строен. Совсем недалеко. Я тронулся с места, забыв перезвонить Ольге.

Машин на встрече становилось все больше. И тут я увидел, в чем дело. Разделительные бетонные блоки были снесены. Огромная фура, протаранив их, завалилась на бок, перегородив движение. Какой силы должен был быть удар? Несколько машин – в хлам. В образовавшуюся щель, царапая бока, протискивались легковушки. На нейтралке между разделителями лежало исковерканное тело. И оно дергалось. Ну вот, нечисть проникает за город.

Я поехал дальше. При подъезде к икеевской развязке свернул, проехал по полузаброшенной дороге, потом по полям, пока не показалась объездная. Там тоже все стояло. Промчался по грунтовке вдоль КАДа, проскочил под эстакадой и заехал на нее с другой стороны. Навигатор ругался, предлагая немыслимые варианты. Кое-как, под маты водителей, я пересек КАД. В некоторых машинах людей не было.

Слева оставался массив Климовец. И тут я заметил первого мертвяка в поле. Он медленно брел от КАДа в сторону города. Я объехал его, заглянул спереди. Мужчина, вывернутая рука, разбитое лицо, кожа свисает с головы. Сбили, что ли? На меня не среагировал было далеко. Ладно, иди, чувак, мне не до тебя. Я поддал газу. Навигатор повел меня влево, потом еще раз резко влево. Наконец, показались новостройки.

Километр двести до цели. Незнакомый район: широкие

улицы, забитые брошенной техникой. Я свернул на Николая Рубцова и ударил по тормозам. Вся улица была забита. Прямо на меня брела толпа – человек пятьдесят, не меньше, растекшись от дома к дому.

Не проехать. Колеса взвизгнули. Я резко развернулся, за скакивая на пустую автобусную остановку – единственный разрыв в ограждении. Пронесся по тротуару. Боковым зрением я уловил, как несколько фигур в толпе рванули в мою сторону. Ага, щас! Я крутанул руль влево, уходя в какой-то двор. Тупик... Во-о-оу! Шаркнул бортом по серебристой «Киа Рио». Я попытался просочиться между трансформаторной будкой и мусорным контейнером. Не рассчитал.

Глухой удар. Меня швырнуло вперед, ремень впился в плечо. Резко, до тошноты, завоняло антифризом.

Огляделся. Сзади, метрах в сорока, – пятеро. Рваные, неестественные движения. Я включил блокировку и дал по газам. «Нива» выскочила на вязкий газон, ее резко бросило влево, и со всего маха она наскочила днищем на низкий металлический заборчик. Двигатель заглох.

Всё. Писец! Красиво съездил!

Я повернул ключ. Стартер натужно взвыл. Ничего. Еще раз. Тот же бесполезный вой.

Первый мертвяк уже был близко: женщина в длинном плаще, спутанные волосы, лицо – кровавая маска. Она двигалась рывками, словно пружина, которая вот-вот сорвется. Справа, от здания, появился еще один – мужчина с руками,

красными от крови.

Я снова повернул ключ. Как только стартер взвыл, женщина бросилась в атаку. Холодный липкий страх ударил в солнечное сплетение. Я инстинктивно вскинул карабин, но развернуться с «Вепрем» в тесном салоне было почти невозможно. В тот же миг женщина с размаху врезалась в капот, проехала по нему и ударилась головой в лобовое стекло. Паутина трещин.

Я вскинул карабин и, скорее от ужаса, чем от трезвого расчета, нажал на спуск. Выстрел в замкнутом пространстве оглушил. Пуля разнесла ей череп, залив лобовое стекло кровавой кашей.

Я толкнул дверь и вывалился наружу, уже слившись с оружием в одно целое. Левая рука на спарке магазинов, ствол вправо. Второй – лыжник с окровавленными руками – уже неся ко мне.

Бах-бах!

Сдвоенный выстрел эхом ударил по стенам высоток. Одна пуля попала в плечо, вторая – точно в центр груди. Его мотнуло в сторону, и он, пробежав по дуге, с размаху врезался в трансформаторную будку. Упал, задержался. Позвоночник. Без него далеко не убежишь.

Нужно было срочно найти укрытие. Впереди, метрах в сорока, возвышалась тридцатизэтажная громадина. Я рванул к ней, держа в пол-оборота сектор возможной атаки. Шагов двадцать – и я снова на дороге, по которой въехал сюда.

Вот еще один! Я замер. Метров тридцать, не больше. Крутит башкой, но не видит меня. Я поймал в прицел его голову с затуманенными бельмами и плавно нажал на спуск. Тххх... Звук выстрела заметался между многоэтажками. Затвор лязгнул, выбрасывая оцинкованную гильзу. Мертвяк, как подкошенный, рухнул на асфальт. В десятку! Но радость была недолгой. Вся толпа, привлеченная выстрелами, сворачивала в мой переулок.

Я рванул к дому, надеясь укрыться в подъезде. Боковым зрением я увидел, как несколько «лыжников» стартовали за мной. Шестидесят метров промчался как ветер. Влево, на пандус, еще двадцать метров. Сзади – гулкий топот. Резко вправо, еще один двадцатиметровый пролет. Кто, блядь, так строит?! Я инстинктивно развернулся, вложил в карбин и трижды нажал на спуск. Тело «лыжника», буквально пропав мордой тротуарную плитку, замерло у моих ног.

Первая дверь – заперто! Рядом другая. Открыто, слава богу! Я влетел в темный подъезд, нажал на кнопку фонаря на цевье. Ничего. Еще раз. Безрезультатно. Холод пробежал по спине. В спешке я забыл вставить заряженный аккумулятор. Чё-ё-ёрт!!!

В прямоугольном окне двери показалось чудище – мужик с обглоданным лицом. И снова это их «и-и-я-я-йя». Мурашки по спине. Пора прекращать тормозить, иначе долго не проживу.

Глаза начали привыкать к сумеркам. Свет просачивался

через грязное стекло и откуда-то справа, с лестницы. Нашу-
пал в карманах навигатор и рацию. Телефона нет. Похоже,
просрал окончательно. Огляделся. Пахло свежей краской. У
стены – одинокая детская коляска. Я медленно двинулся к
лестнице, поднялся на второй этаж, потянул дверь пожарно-
го выхода. Открыто! Вышел на балкон-переход. Слева – еще
одна дверь. Посмотрел вниз. Да что же вас так много! Весь
двор кишел мертвяками. Большое здание детского сада, ого-
роженное прочным забором, – все ворота и калитки закры-
ты. Надеюсь, у людей хватило ума не водить сюда детей.

Закрепиться здесь можно. Я достал навигатор. 750 мет-
ров по прямой до цели. Но эту прямую загораживал такой же
огромный дом-муравейник, брат-близнец того, в котором я
сейчас находился. Я попытался сосчитать шатающихся вни-
зу, сбился на пятидесяти. Было даже двое детей. Около ше-
стидесяти в общем. Можно было бы выбить их отсюда, как
в тире. Но что-то меня останавливало.

Проход между парадными – настоящая дублирующая ули-
ца, выложенная плиткой. До земли – метра три. Теперь я по-
нял, зачем эти извилистые пандусы. Сто процентов для та-
кого случая. Я решил проскочить, не поднимая шума.

Посмотрел вниз. По проходу бродил одинокий зомби, пя-
лясь на экран платежного терминала. Я навел точку прицела
на его голову. Мертвяк завалился набок, разбрызгивая моз-
ги по вывеске «5 парадная». Остальные твари, как по коман-
де, замерли и завертели головами. Ближайший все-таки за-

сек меня и рванул. Врезался в припаркованную «Приору», перелетел через капот и остановился перед каменной стеной. Додуматься обойти он был не в состоянии.

Я начинал проникаться уважением к архитектору. Спасибо, мужик! Я спокойно спустился, пригнулся и тихо побегал по проходу. Все равно они меня как-то чувствовали – я слышал топот и гулкие удары тел о стену. Сердце молотило о ребра, как бешеное. Мимо третьей парадной, мимо вывески «Соляные пещеры», мимо задраенного минимаркета. Нырнуть некуда. Наконец – плавный спуск и ступеньки вниз. До следующего дома – метров сто открытого пространства. Я замер у последней ступеньки.

Я выглянул. Единственное прикрытие – серебристый «Фольксваген Мультивен». Дальше – открытое пространство. До ближайшей твари метров двадцать. Ладно, выхода нет. На три... Раз! Два! Я рванул так, что чуть подошву не оторвал.

Мертвяк, бредущий навстречу, сорвался с места. Адреналин ударил в кровь, толкая вперед. Тварь справа тоже пришла в движение. Мы сошлись в одной точке. Я, как игрок в американский футбол, резко ушел влево, уворачиваясь от цепких лап, развернулся на пятке и встретил второго набегавшего стволом. Нажал на спуск. Мертвяк, словно налетев на невидимую стену, рухнул на асфальт.

Ух, бля! А я хорош!

Что было сил рванул дальше. Все вокруг пришло в дви-

жение. Тактические очки мгновенно запотели, я содрал их с лица. Взлетел по ступеням, в конце пролета развернулся, вложился в карабин и начал долбить, не целясь, просто давя на спуск. Гильзы, звеня, сыпались на плитку. Пули рвали плоть, заваливая пандус телами. Сменил магазин, дернул затвор. Да в пизду! Развернулся к шевелящейся массе спиной и побежал прочь.

Ашш-шшш-рр... Шипение и рычание со всех сторон. Удары тел о стену. Да пошли вы на хуй!

Впереди раздался нечеловеческий крик боли, потом – детские вопли. Я выбежал на парковку, заставленную машинами, и чуть не налетел на клубок борющихся тел. Два мертвяка рвали орущего мужика, а какой-то тщедушный пацан в большой смешной шапке пытался оттащить одного из них за ногу. Все это орало, рычало и каталось по асфальту. Справа «лыжник» перемахнул через парапет, застрял ногой в вело-парковке и с хрустом вцепился головой в асфальт.

Обернулся. Мертвяк сзади схватил меня за рукав, но соскользнул, падая в общую кучу. Второго я встретил прямым ударом ноги. Тело твари согнулось, подставляя голый череп. Выстрел. Сука, лезут со всех сторон! Я, держа карабин одной рукой, левой схватил пацана за шкурку и выдернул из свалки.

– А-а-а-а! – заголосил он, переходя на визг.

Вдруг все поплыло, как в замедленной съемке. Летящие гильзы, набегающие «лыжники», падающие тела. Звуки ис-

чезли. Только мое тяжелое дыхание. Неужели пиздец? Я обернулся – сзади дверь! Суши-бар. Я выпустил пацана и рванул ручку. Открыто!

– Куда! – я схватил пацана за ботинок, когда тот попытался уползти обратно в ад.

Я практически зашвырнул его внутрь. Клад – пустой магазин. Бросил карабин на ремне, захлопнул дверь. В тот же миг в нее врезался «лыжник». Дверь задрожала, но выдержала. Я повернул защелку и отскочил к прилавку. Полумрак. Заменял магазин. Мертвяки облепили витрину и дверь, но было видно, что накал спадает. Потеряли цель.

– Би-ии-хы-ыы-ыы, – заскулил пацан.

Я разозлился, схватил его за шкурку и поднял, как котенка.

– Ты чё, щегол? Жить надоело?!

– Ии-ии, – совсем тихо заныл он.

– Будь мужиком! – я опустил его на кафельный пол.

– Ия-яи-ии...

– Что? Тебя укусили, что ли? – я отодвинулся.

– Я... я... – девушка-а-а! – вновь заголосил пацан, который оказался, к моему удивлению, девушкой.

Смешная шапка свалилась с головы. Черные волосы до плеч, огромные карие глаза, симпатичное лицо в слезах и растекшейся косметике и заметная ямочка на подбородке.

– Ладно... это... ну, ты не плачь, в общем, – я присел на корточки рядом с девушкой, уложив карабин на колени и

не сводя глаз с двери, за которой кривлялись зомби. – Бойфренд, что ли, там твой был?

– Не-ет, – всхлипнула она. – Это Феруз... наш повар... И-и-и-и... – опять заныла.

– Ну, все, все! Успокойся. Ты что, здесь работаешь?

Девушка закивала.

– Зовут-то тебя как?

– Ася.

– Это полное имя?

– Ася Сергеева! И всё!

– Далеко живешь отсюда? – я лихорадочно искал решение. Бросить ее здесь? Пока эта мысль казалась дикой.

– Далеко-к-ко.

– Где? В этом районе?

– В Ярославле. И-и-и-и... – она снова уткнулась в ладони.

Вот это попадос. Я закатил глаза к потолку.

Раж боя начал спадать. Пить хотелось жутко. Болело плечо, я чувствовал, как под курткой расходится шов и сочится кровь. Но, несмотря на это, хотелось улыбаться – адреналин пьянил. Я хлебнул теплой воды из гидратора. Повернул голову. Холодильник! Внутри – бутылки «Аква Минерале». Я приложился к горлышку. Газ ударил в нос.

– Ася, на, попей и успокойся, – я протянул ей бутылку.

Она сделала пару глотков. На левой руке – белые часы с огромным циферблатом, все пальцы в кольцах. На правом предплечье – татуировка от локтя до кисти. «Студентка-от-

личница», – с иронией заключил я.

– Тут есть служебный вход?

– Нет, – она мотнула головой.

Я посмотрел на толпу за дверью. Как ни странно, они стали рассасываться. Трое доедали Феруза, вдумчиво копаясь в его брюшной полости. Хорошо, что она этого не видит.

Ну, и как нам отсюда выбираться? Достал навигатор. Осталась фигня, метров триста. Лишь бы Илья глупостей не наделал. Я выглянул в окно. Штук пять зомбаков шатаются по тротуару. Да, навалил я их тоже прилично – тел пятнадцать, не меньше. Некоторые еще шевелились. В доме напротив, в окне над вывеской «СтройМаркет», какой-то чудак снимал апокалипсис на мобильный. Во дает!

– Ну, как ты? – спросил я у девушки.

– Плохо. Что мне делать?

– Во-первых, умыться. Во-вторых, посмотрим.

– Ты... вы-то тут что делаете?

«Приходит в себя», – подумал я.

– Я приехал за другом. Они тут недалеко.

– И откуда?

– Из-за города. Километров восемьдесят.

– Пф-фф... Это теперь то же самое, что до Ярославля...

И-и-и-и...

Я снова закатил глаза.

– Ась! Всё! Успокойся. – Я придвинулся ближе, осторожно коснулся ее плеча. – Давай, возьми себя в руки. Где тут

у вас уборная?

Она, не поднимая головы, махнула куда-то за прилавок. Я помог ей подняться. Ростом едва до метра шестидесяти. Оставил ее умываться, а сам вернулся за прилавок. Взглянул на мертвяков за дверью. Сюрреализм. «Нет, батенька, это теперь злая реальность», – ответил я сам себе. Взял с тарелки пару лепестков имбиря, закинул в рот.

"I don't want to set the world on fire..."

В голове зазвучала мелодия из Fallout. Пошел дождь, крупный, холодный.

Трр-ррр-ррх!

С улицы затрещали выстрелы. Я очнулся, как ото сна. Схватил карабин, в три прыжка оказался у уборной.

– Ася, воду! – я замахал рукой.

Трр-ррр... Опять. Короткая очередь. Что это? Пистолет-пулемет?

Я метнулся к окну. Все мертвяки потянулись в сторону выстрелов. Это был шанс. Неуверенный, но шанс.

– За мной! Быстро! – махнул я девушке.

Достал из сумки «бубен» и заменил им спарку магазинов.

– Держись за жилет двумя руками и не вздумай отпускать! Я поворачиваюсь – ты поворачиваешься! Играла в игру Я червяк, червяк, червяк?

– Чего?!

– Даже если упадешь – держись!

Она кивнула головой.

Я потянул дверь на себя и выскочил вместе с «хвостом» под холодные струи дождя.

Я ушел левее. Мертвяки на площадке даже не повернулись в нашу сторону. Нужно было бы их прикончить, но стрелять не хотелось, а протыкать им башки ножом – вдвойне.

Небесная канцелярия явно не жалела сегодня воды. Дождь заливал лицо, я сплевывал, тряс головой. На мне – хорошая непромокаемая куртка, а вот девушка – в коротеньком кожаном недоразумении. Я резко обернулся.

– Уи-и-и! – тихо взвизгнула Ася, и я почувствовал, как ее маленькие руки еще крепче вцепились в разгрузку.

Мимо античных колонн, через забитую машинами стоянку, к очередному зигзагообразному спуску. Я подошел к краю и глянул вниз. Все забито мертвяками. Они толпились на лестничном марше, не зная, что делать. А вот и стройплощадка, огороженная синим забором. Нужно только спуститься, пересечь улицу, и все. Кто же стрелял? Я попытался рассмотреть улицу. Несколько брошенных машин, пара мертвяков, никакой движухи.

Нужно шевелиться. Я присел на корточки, повернулся к девушке.

– Если останавливаемся – всегда смотри назад. Если что – кричи. Поняла?

Она кивнула. Я снова привстал. Сколько их тут? Двенадцать. Ладно, была не была. Я поднялся в полный рост, пой-

мал в прицел голову ближайшего и нажал на спуск. Череп раскрылся, как капот, выбрасывая наружу кровавое месиво. А дальше – как в тире. Один за другим. Только один дернулся, но пуля догнала его у мусорных контейнеров.

Вперед! Я начал спускаться. Проход был завален телами. Я понимал, что все получили пулю в голову, но страх был почти осязаем. Казалось, стоит только поставить ногу, как один из них оживет и вцепится в икру.

– Я не пойду! Не пойду! – замотала головой Ася.

– Прыгай! – приказал я, приседая.

– Чего?

– На спину, говорю, прыгай!

Она с размаху запрыгнула, обвив меня ногами.

– Да не души ты меня так! За лямки держись! – выдохнул я, когда хватка ослабла.

Веса я почти не почувствовал. Шагнул вперед. Обливаясь потом, я пробирался сквозь трупы. Удивительно, но никто не бросился. Тот, у мусорных баков, был еще жив и пялился на нас своими бельмами. Я добрался до угла. Длинный, метров сорок, проход, и снова спуск. Вроде чисто.

– Хвост, слезай.

Девушка спрыгнула и снова пристроилась сзади. Мы повернули на последний пролет, ведущий на улицу, и я встал как вкопанный...

Метрах в двадцати стоял черный «Гелендваген». Двигатель работал, все двери настежь, левое колесо пробито.

Вокруг него копошилось не меньше полусотни мертвяков, освещенных голубоватым ксеноном, отбрасывающим жуткие тени. При нашем появлении голов двадцать резко повернулись в нашу сторону. Несмотря на ливень, они нас почувствовали. Очко любого в такой момент превращается в игольное ушко.

– Назад! – я развернулся, схватил девушку за шкурку и, толкая ее впереди себя, побежал.

Арш-шшш-шшш... – забились в экстазе мертвожопые.

Ну почему, же так не везет! Я подскочил к углу. Никого. Задвинул Асю за него и развернулся.

Мертвяки падали, врезаясь в стену перед резким поворотом. Большинство вываливались в нужном направлении, подскакивали и, видя меня, бросались вперед. Я вложился в карабин и снова начал долбить. Грохот стоял дикий, гильзы рикошетили от стены.

Проход стремительно заваливало трупами. Я посмотрел за ограждение. Трое. Три выстрела. Влез на ограждение, зацепился ногой, отклонился влево.

Шшш-шшш... Дождевые капли зашипели на раскаленном стволе. Внизу копошилась толпа. Я открыл огонь, просто в массу. Оглянулся: у «Гелика» пятеро жрут два тела. Эх, сейчас бы гранату... Я снова посмотрел вниз. Штук двадцать еще боеспособных. Я начал выщелкивать их одного за другим. Те, кто замечал меня, кидались на стену, чем только упрощали задачу.

Чик-чик-чик... Щелчок. Кончились патроны. Я даже не заметил, как выпустил 75 пуль. Заменял магазин. Вся лестница и площадка были завалены телами.

– Иди сюда, – я махнул девушке. – Спустимся здесь.

Я осмотрел место приземления и отбросил эту идею – внизу шевелилось несколько недобитых.

– Давай, ползи вперед.

Мы спустились. Пятью выстрелами я испортил мертвякам застолье. Пасмурно, дождь. Откуда на окраине столько тварей? Я осторожно обошел джип. Резины на пробитом колесе не было – просто диск. Московский номер. Что-то блеснуло на асфальте. Пистолет! Я поднял с мокрого, залитого кровью асфальта СПС «Вектор». На затворе – надпись арабской вязью: «Алихан». Магазин пуст. Рядом – еще один. Гости с Кавказа, значит? Я собрал магазины, сунул в разгрузку. Заглушил двигатель, забрал ключ. У одного из обглоданных тел нашел метку и кобуру с подсумками. Срезал все ножом. Ася наблюдала с явным отвращением. Да и ладно. Привыкнет. У меня уже созрел план.

– Всё, пошли дальше.

Мы пересекли улицу. Вот и синий забор. Я достал навигатор. Завернули за угол – и вот она, машина Ильи, воткнувшаяся в ворота. Нагружена под завязку, на крыше – гора тюков метра в два. По двору бродил всего один мертвяк. Я спокойно прицелился. Выстрел. Еще один. В точку. В окне вагончика я увидел лицо Ильи.

– Зашибись! – я улыбнулся и пошел к бытовке.

Дверь открылась, вышел Илья. Грузный мужик с добродушным лицом, сейчас – искаженным переживаниями.

– Да все нормально, братан! Я же сказал, приеду.

Мы обнялись. Я был искренне рад. Вошли в полумрак вагончика. На скамье сидела жена Ильи, Света, обняв сына и механически гладя его по голове.

– Света, Игорь, это дядя Сергей, – неуклюже представил меня Илья. – А это...

– Это Ася, – ответил я за девушку. Ее колотило от холода и страха. – Есть сухая одежда?

– Есть, там, на машине.

Мы вышли, срезали один из тюков. Тяжелый, зараза. Еле втащили внутрь.

– Свет, поможешь девушке? – Света молча подошла.

– Илья, пойдем, выйдем.

На улице я повернулся к другу.

– Слушай, скажешь, что Ася – твоя племянница.

Илья округлил глаза:

– А она вообще кто?

– Она издалека, ей некуда идти. Племянница! Идет? А то Ольга меня убьет.

– Идет, – Илья пожал протянутую руку. – А у тебя с ней это... – он постучал указательными пальцами друг о друга.

– Илья! Ты что? Я с ней пару часов знаком! Скажи лучше, что у тебя в тюках?

– Да одежда в основном, техника всякая... пылесос...

– Что?! Илья, ты чё? У тебя машина пузом гребет, а ты пылесос с собой тащишь? Думаешь, у меня пылесоса нет?!

– Ну вот так, – он виновато развел руками.

– Продукты есть?

– Да, в салоне и в багажнике. Консервы, колбаса, хлеб.

– Это хорошо, – кивнул я. – План такой: мы с тобой идем к «Гелику», меняем колесо, подгоняем сюда, забираем минимум вещей – особенно продукты – и валим.

– Согласен!

– Девушки! – я постучал в дверь. – Можно?

– Да, – послышался голос Аси.

Я вошел. Ася сидела, закутавшись в две куртки Ильи.

– Значит так! Мы сейчас с Ильей за машиной. Вы сидите тихо, не высовываетесь, что бы ни случилось. Ясно?

Все закивали.

– У тебя есть оружие? – спросил я у Ильи на выходе.

– В багажнике топор!

– Бери!

Дождь превратился в мелкую морось. Станный запах...

Илья открыл багажник.

– Грёбанный мамай, – вырвалось у меня. Багажник был забит копченой колбасой.

– Что? – Илья выудил из-под этого богатства большой «Фискарс».

– Так вот почему вас мертвяки загоняли! – я не выдержал

и заржал. – Колбаски хотели!

– Да ладно тебе. Еще спасибо скажешь, – буркнул Илья.

Обратно к «Гелику» прошли быстро. Двое мертвяков уже встали и качались на месте. У одного вывалились кишки, и он тупо на них смотрел.

– Давай, рубани вон того, – шепнул я Илье.

– Да ты что, я не смогу! – зашипел он в ответ.

– Ладно, дай сюда.

Я взял топор. Размахнулся. Тук! Лезвие с сухим звуком вошло в череп. Мертвяк без шума завалился набок. А круто! Я поспешил ко второму и так же срубил его.

– Всё, за работу. Я прикрываю.

Илья принялся за дело. На удивление, запаска была идентичной.

– Всё! – Илья поднял руку, как механик на пит-стопе.

– Ходу! – я втиснулся на место водителя. Илья, бросив инструмент назад, забрался на переднее пассажирское. Ключ был у меня, я просто нажал на кнопку, все засверкало заискрилось как панель управления космического корабля.

Муу-ууу-ооо-ррр... – заурчал двигатель. Дизель. Хм, ну посмотрим. Огляделся, двухцветная кожа designo на сиденьях, вставки из ясеня или ореха на торпедо, консоли и дверных панелях. Отовсюду просто пёрло роскошью. Перевел джойстик в положение драйв. Притопил педаль газа...

Ого! Я вцепился в руль. «Мерседес», как бешеный тигр, рванул с места.

– Уо-оу! – прокомментировал Илья, хватаясь за что придется.

Рыча дизелем, «Гелик» легко преодолел бордюр и затор-мозил у калитки.

– Всё, девочки и мальчики, грузимся! – я захлопал в ладоши.

– Ася, – я обернулся и столкнулся с ней лицом к лицу.

– Послушайте. А кто вам сказал, что я с вами поеду?

«О! Ожила. Та еще штучка!» – подумал я.

– А что случилось, Ася? – откуда у меня такие участливые нотки в голосе? А она реально красивая. Бездонные глаза.

– Закончили?

– Что?

– Рассматривать меня?

– Пф-фф... Ася, послушай! Тебя никто не обидит. Если останешься – умрешь. Представь, что час назад ты уже умерла, и теперь это твоя новая жизнь.

Ее глаза начали наполняться слезами.

– Стой, стой! Не плачь. Поехали. Подумаешь и спокойно все решишь.

Она кивнула и неожиданно уткнулась мне в грудь.

– Ну всё, всё... – я неловко похлопал ее по спине. – Одевайся и выходи.

– Мама подарила, – она прижала к груди свою мокрую куртку.

Ну, что тут скажешь.

– Серый, смотри сюда, – позвал Илья. Он уже перегружал вещи и указывал на небольшой пластиковый кейс. – Шифр.

– Сейчас. – Я выдернул «Танто».

– А если там бомба?

– Слишком дорогой кейс для бомбы.

Я всадил клинок под защелку. Открыл и охуел. В поролоне лежал ПП-19-01 «Витязь» в каком-то космическом тюнинге «Зенит» и четыре полных магазина.

– Хорош трофей! – я обрадовался, как ребенок. – Держи, Илюха, владей пока.

– Спасибо!

Илья все же настоял на том, чтобы мы загрузили всю колбасу. И вот, наконец, воняя копченостью, погрузившись в шикарный салон, мы отправились в путь. Я ткнул наугад кнопку, и из дорогушей акустики грянула «Мастер и Маргарита» Басты.

Мой корабль в огне, мой корабль терпит бедствие...

Я смотрел на пролетающие мимо многоэтажки. Кто же вы были, ребята? В любом случае – спасибо. Спасибо, мужики!

Глава 3. "Вожак стаи"

Обратно по натопанной дорожке ехали быстро. Выскочили на трассу и попилили по встречке, пристроившись за одиноким «Транзитом».

Дождь кончился. Сквозь облака проглянуло солнце, зажигая блики на мокром асфальте и поднимая из придорожной канавы столб радуги. Ехали молча. На меня бетонной плитой наваливалась усталость. Болело плечо, голова была чугуновой. Хотелось свернуться клубком и уснуть. Нет, надо дотянуть. Я широко открывал склеивающиеся глаза, мотнул головой – резкая боль в мозгу. Через двадцать километров я съехал на обочину.

– Илья, садись за руль.

Я кое-как, словно старый дед, выпал из-за руля и сел на пассажирское сиденье.

– С тобой все нормально? – спросил Илья, когда мы тронулись.

– Да, нормально, – ответил я и закрыл глаза.

Огромное облегчение. Ничего себе отходняк. Давно я столько адреналина не хватал. Ладно, адаптируюсь. Буду как в старые добрые времена – дерзок и опасен. Вот только домашние никогда не видели меня таким, и я надеялся, что не увидят. Но теперь настало другое время. Время, где слабым не выжить без сильных. А сильным нужно быть смелыми и

жесткими.

Я пока смутно представлял будущее, но план у меня был. «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» – пронеслось в голове. Конечно, есть. Я даже улыбнулся, не открывая глаз.

Джип стал забирать вправо. Я открыл глаза. Заправка слева была забита машинами. Илья сбросил скорость, заглядев-шись, как один мужик молотил заправочным пистолетом по голове другого. Уже! Это только первый день! Я смотрел на все это с отрешенным равнодушием.

В поселке – суeta у магазинов, но ни одного мертвяка. Все спокойно. Если бы войска сейчас заблокировали город, возможно, на этом бы все и закончилось.

Наконец, подъехали к дому. Я забарабанил в калитку.

– Сова, открывай! Медведь пришел!

– Кто там? – голос Серого.

– Свои.

Калитка открылась, и в это время из-за угла с моим «Моссбергом» показался Юра. Грамотно. Серый был со своим «Вепрем».

– Ничего себе ты махнулся! – хохотнул Юра, указывая на джип.

Я тяжело побрел в дом. На пороге встретила Ольга, вся в слезах.

– Где твой телефон?! – ее голос сорвался на крик.

– Потерял, любимая, – я облокотился на косяк, стоять было тяжело.

Она резко развернулась и скрылась за дверью.

Как в тумане я прошел по коридору. Из холодильника достал бутылку водки, налил полный стакан. Сел на диван в кабинете. Какого хуя я вообще поперся в город один? Меня передернуло от воспоминаний. В два глотка я осушил стакан. Все поплыло, и я боком завалился на подушки, по пути отмечая, что не снял ботинки. Ольга будет ругаться. Сознание отключилось.

Сквозь сон я чувствовал, как чьи-то заботливые руки снимают с меня ботинки, снарягу, укладывают на диване. Потом снова провал.

Открыл глаза – за окном темно. В ногах спала Метель. Надо вставать. Я сел, стогняя собаку. Она зевнула, потянулась с хрустом и гордо зацокала когтями по ламинату. На плече – свежая, профессионально наложенная повязка. В голове шумело, но в целом я чувствовал себя хорошо. Только во рту было ощущение, будто там сдох зверек.

Я встал, надел чистую футболку и вышел на кухню. Умылся ледяной водой. Хорошо! Почистил зубы и на минуту замер перед зеркалом. Из зазеркалья на меня смотрел посевший, коротко стриженный сорокалетний мужик с тяжелым взглядом и темными кругами под глазами. Нет. Это не я.

Дверь в гостиную была закрыта, за ней слышались голоса, смех. Я открыл дверь и шагнул в комнату. Два составленных вместе стола, покрытые скатертями. Вокруг – все, кого я был рад видеть. Дети, видимо, спали. На столе – огромная

кастрюля с гречкой и тушенкой, банки с прошлогодними заготовками. Илья с женой. Света была подавлена. Рядом с ней – Ася, отмытая, в свежей одежде. Увидев меня, она широко улыбнулась, и ее огромные черные глаза сверкнули. Если бы не этот взгляд, я бы ее и не узнал.

Когда я вошел, все затихли. В их взглядах, обращенных ко мне, было не только уважение и благодарность. Было то, чего я давно не видел в своей семье со всеми ее противоречиями и проблемами. Это было признание. Признание вожака стаи. Беспрекословного авторитета.

– А вот и я, – улыбнулся я и сел во главе стола. Ольга тут же наполнила мою тарелку огромной порцией каши. На столе появилась литровая бутылка самогона.

– А это вовремя! – Серый ловко разлил напиток по стопкам.

Я встал.

– Наступают тяжелые времена, родные мои! Среди нас уже есть те, кто потерял близких. И как бы ужасно это ни звучало, это не последние потери. Поэтому ценен каждый человек, которому ты можешь доверить свою спину, доверить жизнь родных. Мы собрались здесь, чтобы наклонить этот новый мир под себя. Показать, что ни одна падла, живая или мертвая, не мешает нам жить. За нас! – я салютовал стопкой и залпом осушил ее. Ух-хх! Градусов шестьдесят. Даже слезу вышибло. Пришлось интенсивно поработать ложкой.

– Ярослав не звонил? – наклонился я к Ольге.

– Нет. Вне зоны.

Где же тебя носит... Я был уверен, что он жив. Его так просто не возьмешь. Но часы тикают не в нашу пользу.

– Что делать-то будем? – спросил Серый.

– Завтра поедем на базу, посмотрим обстановку. Как только появятся первые мертвяки в поселке – перебираемся. До этого сидим здесь. Продукты в магазинах закончатся через пару дней. Если не мертвяки, так голод через неделю начнет выгонять людей на улицы. Полетят дома, квартиры, погреба. Местная полиция – человек двадцать. Они сами по домам разбегутся. Вода от насосов, нет электричества – нет воды, нет канализации. Засрут многоэтажки за пару часов. Я бы не хотел оказаться здесь в этот момент. А на базе мы продержимся.

– Есть еще один момент. Серый, помнишь, где у железки хранилище дизеля? Армяне держат.

– Помню, конечно.

– Как переберемся на базу, нужно будет сцедить оттуда пару десятков тонн.

– Почему бы все не забрать? – загорелся Серый.

– Не хватит у нас сил удержать такой кусок. Нечем и некому. Ярослава нет, а мы с тобой минёры еще те.

– Во что сливать будем?

– Завтра с Юрой поедешь в совхоз «Гражданский», приглядишь пару молоковозов. Посмотри, где стоят, где ключи.

– Сделаем, – Серый вернулся к своей тарелке.

– Спасибо, что маман мою привез, – похлопал я друга по плечу. Тот лишь пожал плечами.

Я сидел, думая о будущем. Я знал, что придется хлебнуть дерьма, но не хотел, чтобы это туманило мне мозг. Я долго готовился к этому дню. Я даже был рад, что этот ёбнутый мир катится в тартарары. Мир, погрязший во лжи и разврате, где страшно отправить детей в школу. Не из-за маньяков, а потому что интернет превращает их в озабоченных зомби с суицидальными наклонностями. Да, скоро будет тяжело и страшно, но есть шанс вырастить своих детей достойными людьми. И я вылезу из кожи, но построю для них Новый Город.

От размышлений меня оторвало звяканье посуды. Разместить тринадцать взрослых и шесть детей было проблематично. Пришлось стелить матрасы на полу. Ближе к полуночи дом погрузился в тишину, нарушаемую лишь храпом тестя.

7:00. Утро.

Я проснулся отдохнувшим и полным сил. Даже плечо не болело. Дом наполнял запах свежесваренного кофе. Я автоматически потянулся за пультом. Увиденное уже не шокировало, а завораживало. Кадры с вертолета: панорама горящего Питера, огромные столбы черного дыма. – это был апокалипсис в натуральном виде. Потом картинка переместилась на КАД, где на всех съездах в город стояли временные блокпосты военных, одинаковые, как под копирку. Грузовик УРАЛ, БТР-82А, которые перекрывали обе полосы движе-

ния, и бронированный «Тигр» с пулеметом Печенег на турели, стоящий на обочине. Сгоревшие машины. Всех под нож, без разбора. Но это мертвому припарка. Зараза уже далеко за городом: Всеволожск, Выборг, Новгород... Подольск! Это же под Москвой! На карте мира – очаги заражения. Франция, Германия, Англия – почти вся Европа. Китай, Индия. Чистыми были только Американский континент и Австралия. Всего за двое суток! Скорость бешеная. Ярослав... Надеюсь, ты выбрался вчера.

Я выключил телевизор, надел штаны и прошлепал на кухню. Моя мама, моя Ольга и Ольга, жена Юры. Народу – пи-сец. Я улыбнулся. Гора бутербродов с колбасой от Ильи. А хлеб-то заканчивается...

– Доброе утро, девчонки! – бодро поприветствовал я женщин на кухне.

– Доброе утро! – ответили они почти в унисон.

Я схватил бутерброд и, увернувшись от ложки, которой жена хотела меня огреть, проскочил в коридор. Жуя на ходу, поднялся на второй этаж. Дети еще спали. Я осторожно вышел на маленький балкон. Какой воздух! Пели птицы, светило раннее солнце. Красота. На улице – никого. Ни машин, ни людей.

Солнце слепило, но я разглядел одинокую фигуру, бредущую по Набережной в нашу сторону. Метров двести. Я приставил руку козырьком. Что-то с ним не так... Походка. Голова завалена набок. Он подходил все ближе, уже можно бы-

ло разглядеть неестественный цвет лица... Ах ты ж скотина! Мертвяк!

Я бросился вниз. Открыл сейф, схватил ТОЗ-78, полный магазин и, как птица, взлетел обратно на балкон. Вставил магазин, дослал патрон, вскинул карабин. Мертвяк уже был совсем близко. Я поймал в перекрестье прицела его лоб. Неожиданно голова твари выпрямилась.

– Петро-о-ович, здорово! – «мертвяк» помахал мне рукой.

Я резко убрал палец со спуска.

– Вася?! Грёбанный баран!!! Ты чё?! – я опешил, узнав нашего местного алкаша.

– Чё?! – Вася явно не понимал моих претензий.

– Ты что тут трёшься?! – мне стало не по себе от мысли, что я только что чуть не прикончил живого человека.

– А что? Иду!

– Чё вы жрете все уже с утра?! – заорал я на него, разозлившись в конец.

– Я не пью! – Вася демонстративно отвернулся и побрел в центр поселка.

Мне бы такое здоровье! Синячит каждый день, и все похуй. Фу-у-у... Я облегченно вздохнул. Пронесло. Вошел в комнату и понял, что перебудил детей.

– Спите, спите. Еще рано.

Ага, какой там. Одежда зашевелились, показались голые пятки, зевающие рты. Надо бежать отсюда.

Позавтракали. Дети и собаки тут же сорвались во двор

– наносить максимальный урон огороду и песочнице. Только Орион, как всегда, уселся у курятника и, вывалив язык, с остекленевшим взглядом гипнотизировал кур. Наверняка представлял, как сетка исчезает, и он одним движением давит всех десятерых. М-да... Мне бы твои проблемы, Орион.

Я снова подошел к сейфам и стал доставать стволы. Потом направился в гостиную, собирая по пути всю мужскую часть нашего табора.

– Так, мужики, пора посмотреть, что мы имеем. Ну, у Серого все понятно: тюнингованный «Вепрь» двенадцатого калибра, коллиматор, ЛЦУ, разгрузка BlackHawk с двумя двадцатизарядными барабанами.

Кузьмич тоже все ясно, – КО-44 в камуфлированном чехле, с простеньким прицелом ПУ он сжимал в руке.. – На патроны держи, – я протянул патронташ на сто штук. Откуда патроны? Ну я же выживальщик.

Юре отдал «Моссберг». Тестю – двустволку МР-27. С Ильей все понятно – вооружен «Витязем». Оставалась мелкашка ТОЗ-78, из которой я чуть не прикончил Васю, и СКС в тактическом обвесе FAB Defense, с сошками и ПСО-1. Отдам его Ольге – она хорошо стреляет. Хотя опять ныть начнет про «мелкашку».

Оставалось еще мое первое ружье, ТОЗ-63 шестнадцатого калибра. Старая, но в идеальном состоянии курковка. Рукa не поднималась ее продать. Надо обрез сделать! Всегда мечтал, как в фильме «Брат», эффектно отпилить ствол. А

потом – и приклад, чтобы, как в «Безумном Максе», носить его в сапоге. Или где он там его носил?

Позже я раздал каждому по хорошему кизлярскому ножу.
– Ладно, мужики, давайте так. Как и планировали: Серый с Юрой – на разведку в совхоз. Я с Ильей – на базу, да и так, прокатимся. Связь по рации. Я – Первый. Кузьмич – Точка-1, Серый – Точка-2.

Кузьмича и тестя я решил оставить дома, на охране.
Мы с Ильей загрузились в «Гелик», Серый с Юрой – в «Тундру». Выехали из разных ворот и, посигналив друг другу, покатались в разных направлениях. Через три километра въехали в центральный поселок. Машин почти не было, зато людей – больше, чем обычно. Магазины закрыты, витрины выбиты. Миновали наглухо задраенное здание полиции.

На базе было все нормально, разве что половина коллектива не вышла на работу. Так, редкие работяги слонялись по цехам. Поехали обратно через вокзал. У магазина стройматериалов мы увидели нечто странное.

– Это там еще что? – Илья подался вперед.

Метрах в ста люди разбегались в разные стороны, падая и опрокидывая друг друга. Я прибавил скорость. В этот момент справа выскочил «лыжник» и, как шар для боулинга, врезался в толпу. Его самого перекинуло через людские тела, но он тут же вцепился первому попавшемуся в ногу. Раздались истошные крики.

– Ну все, Илья, пиздец! Понеслось, – я резко затормозил и

вышел из машины, вскидывая карабин. Илья грамотно страховал, высунувшись по пояс в люк.

Хер разберешь, кто из них кто, все в кровище. А валить живого, хоть и временно живого, не хотелось. На асфальте оставалось трое. Один лежал без движения. А, все, понял. Есть цель. Я вскинул карабин и почти в упор выстрелил мертвяку в голову.

– Помогите! – запоздало заорал искусанный мужик, зажимая чудовищную рану на шее. Хрена! Разве можно так сделать человеческими зубами? Я даже удивился. Посмотрел по сторонам. Люди выглядывали из укрытий. Скольких он успел достать? Все, это уже не остановить. И не прикончишь же раненого на глазах у всех.

– Помогите! Скорую! – мужик попытался встать, но завалился, сильно ударившись головой. Застонал, заплакал, свернувшись в позе эмбриона.

Я развернулся и сел за руль.

– Мы что, его так оставим? – Илья тоже сел на свое место.

– А что ты предлагаешь? Всадить ему пулю на глазах у толпы? Начнется паника, позвонят в полицию. Зачем нам этот геморрой?

– Серега! Ты только что выстрелил чуваку в башку, пускай и мертвому.

– Это другое!

– Для них – то же самое! – Илья ткнул пальцем в двух мужиков за автобусной остановкой. – А сразу надо остановить.

– Илья, ну вперед тогда! – я жестом указал ему направление.

– Что?

– Иди, вали его. И третьему – контрольный в голову, а то встанет скоро.

Илья смотрел на меня круглыми глазами. Потом отвернулся и уставился вперед. Ну вот! Я молча надавил на газ. Отъехали метров сто, когда Илья повернулся ко мне.

– Серега, разворачивайся!

– Зачем?

– Я готов. Я завалю! Нельзя их плодить, – голос дрожал, но взгляд был полон решимости.

– Успокойся, Илюха. Он покусал человек пять, это уже не остановить.

– Останови! – Илья разошелся не на шутку.

– Да хорошо, хорошо! Только руля не трогай!

Я вдарил по тормозам и круто развернулся. Когда мы подъехали, раненый уже сидел на скамейке на остановке, ему помогали какие-то люди. Третий так и лежал, истекая кровью. Илья решительно распахнул дверь.

– Э, мужик, ты чего?! Не дури, сейчас милицию вызовем! – люди расступались перед вооруженным человеком.

Раненый затравленно смотрел по сторонам.

– А ну, расступись! – заорал Илья, размахивая «Витязем». Люди отхлынули. Он снял оружие с предохранителя и направил на бедолагу.

– Нет... нет... – еле слышно шептал тот, зажмурив глаза и вытягивая вперед руку, словно в надежде остановить пулю.

Все замерли. Вокруг наступила гробовая тишина. Илья вдруг резко опустил ствол, развернулся и быстрым шагом направился к джипу. Сел на пассажирское сиденье. Я, ни слова не говоря, даже не повернувшись в его сторону, нажал на педаль газа.

Мы ехали молча. В моей голове крутился калейдоскоп планов. Выждать еще день? Гнать людей на неподготовленное место – безумие. Офисные помещения придется перестраивать в жилые комнаты. Ангара завалены стройматериалами. Немецкие станки Hundegger могли штамповать дома за неделю, было бы из чего. А из чего – как раз было. Да и леса кругом полно, своя пиломатериала... Нужно перетаскивать людей. Токарь, заточник... Всех.

И вторая база. Головная боль. Километр от первой. Авто-транспорт, цех металлообработки, мебельный комбинат. Но ни своего генератора, ни своей воды. Людей нет. А терять такое добро не хотелось. Пока – тупик. Ладно, разберемся...

– Слушай, Илья, – я решил нарушить тишину. – Ты же раньше в компьютерах шарил?

– Что? – Илья очнулся от своих мыслей.

– Проснись, Илюха, дело есть! – я улыбнулся. – С примочками компьютерными на «ты» был?

– А-а! Пф-ф! Спросил! Да мне и не к чему: у меня вон вундеркинд растет. Игорь мой. Программирует что хочешь.

– А сколько ему?

– Четырнадцать. В прошлом году в Google Code Jam участвовал, даже мне, гаденыш, не сказал!

– Где-е?!

– Ну, соревнования по программированию. Со Светкой мотнулись в Дублин, пока я в командировке был.

– Ладно, Илюха, проехали, – перебил я. – Сейчас приедем, пока сеть работает, пусть качает все, что можно. Книги, техническую литературу, учебники. Ну и русскую классику, само собой.

– Понял, лишь бы сеть была. У него с собой этого железа полно. Не, ну понимаешь, только бабки потратили...

– Чего?

– Это я про Дублин. Десятое место всего лишь, – Илья с досадой почесал затылок.

– Не парься, Илюха. Теперь это уже неважно. Совсем.

Дома нас встретила суета. Мы занялись перегрузкой. Еда из моего «Тахо» перекочевала в ГАЗ-66. Боеприпасы и снаряга – обратно в джип. К полудню вернулся Серый.

– Ну как поездка? – я был рад отвлечься от тяжестей.

– Да все нормально. Присмотрели MAN с зеленой кабиной и полуприцепом на двадцать два куба.

– Ого!

– И Volvo с бочкой на шестнадцать кубов. Эти машины новые, остальное – хлам.

– Тридцать восемь кубов! Нормально.

– Ключи у механика в кабинете. Охрана – бабушка на проходной.

– Красава, друган!

Я направился в дом. На входе столкнулся со спешащей во двор Асей. Она сверкнула глазами и протиснулась мимо, обдав меня приятным запахом. «Вот только этого не хватало...» – пронеслось в голове.

– Игорь, ну как у тебя? – обратился я к парню, который колдовал у компьютера.

– Все нормально, – не поднял он головы.

К вечеру небо затянуло, подул прохладный ветер, закапал дождь. Я сидел за столом и составлял список людей, которых нужно было вытащить. В том числе и моего старого приятеля, Василия Михайловича, учителя истории. Как без философа в катаклизм? Список получался удручающе коротким. Ай, ладно, разберемся.

Полыхнула молния, через несколько секунд донеслись раскаты грома. И тут, словно в подтверждение моих худших опасений, свет мигнул и погас. Я вздохнул, прошел в котельную и завел генератор. Дом снова наполнился светом. Вернулся и только собрался чистить карабин, как в комнату буквально влетела жена.

– Ярослав звонит!

Я сорвался с места, перехватывая телефон.

– Алло! Яр, ты где?! – связь была отвратительной, голос тонул в треске.

– Серега... где-то у Мурманского шоссе... ДНП «Рыжики»!

– Что-о?

– Мы... уехать в Москву...

Я сжал телефон в руке, беззвучно матерясь одними губами.

– Ху-у-у... – выдохнул я. – Ну, и?

– Там полная жопа, еле вырвались... вояки обстреляли... патронов двадцать осталось...

– Ты какого хуя поперся?! – не выдержал я. – Я тебе что говорил?!

Ольга тронула меня за руку: «Успокойся...»

– Се-ерый! – заорал я. – Тащи карту!

Карта легла на пол. Я рухнул на колени. Где это, блять, ДНП?!

– Ольга, зови Игоря!

Прибежали Илья с сыном.

– Найди мне ДНП «Рыжики».

– Пять сек, – Игорь уставился в свой планшет. Xplore XSLATE B10. Я таких и не видел. – Вот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.